Раймондо КУБЕДДУ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

Раймондо Кубедду
Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3952205
Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек / Раймондо Кубедду ; пер. с англ. под ред. А. Куряева.: ИРИСЭН, Мысль, Социум; Челябинск; 2008
ISBN 5-91603-009-9

Аннотация

Профессор политической философии в Пизанском университете Раймондо Кубедду посвятил свою книгу тому влиянию, которое интеллектуальная революция конца XIX в. оказала на все общественные науки и в первую очередь на политическую философию и экономическую теорию. Именно тогда основатель австрийской экономической школы К. Менгер заложил основы субъективисткого подхода к теории ценности и одновременно эволюционной теории социальных институтов. Два великих последователя и соотечественника Менгера Л. фон Мизес и Ф. Хайек, будучи не только экономистами, но и обществоведами в самом полном смысле этого слова, творчески

развили идеи Менгера, разработав законченную социально-политическую теорию.

В книге анализируются методологические и теоретические основы подхода Менгера – Мизеса – Хайека к социальным наукам. Автор изложил результаты анализа важнейших политических проблем XX века: социализма и тоталитаризма, демократии и государственного вмешательства в жизнь общества. Отдельная глава посвящена философским основам либерализма.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся социальной и политической философией.

Содержание

От издателя 5
Предисловие 9
Глава 1 Методологические проблемы 21
§ 1. Методологические основания 21
§ 2. Спор о методах (methodenstreit) и его наследство 63
§ 3. Критика историцизма 87
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Раймондо Кубедду Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек

От издателя

За последние годы в России вышло достаточно много экономических работ, относящихся к так называемой «австрийской» школе[1], получившей это название благодаря тому, что Австро-Венгерская империя была родиной ее великих основоположников и продолжателей – К. Менгера, О. Бём-Баверка, Ф. Визера, Л. фон Мизеса, Ф. Хайека. В настоящее время это направление экономической мысли приобретает все больше сторонников во всех странах мира. Недавний всплеск интереса к австрийской школе был вызван крахом

[1] В числе важнейших следует упомянуть следующие: Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранное. М.: Территория будущего, 2005; Бём-Баверк О. Позитивная теория капитала. Челябинск: Социум, 2008; Мизес Л. фон, Человеческая деятельность. М.: Социум, 2005; Мизес Л. фон. Социализм: Экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994; Ротбард М.Власть и рынок: Государство и экономика. Челябинск: Социум, 2003; Уэрта де Сото Х. Деньги, банковски кредит и экономические циклы. Челябинск: Социум, 2008 и др.

социализма, давно предсказанным Л. фон Мизесом, причем интерес этот постоянно усиливается, что вообще характерно для периодов экономических и финансовых кризисов, получивших в рамках этой школы наиболее адекватное объяснение.

Намного меньше у нас известен тот факт, что великие экономисты австрийской школы занимались не только экономическими исследованиями, но и глубокой разработкой политической философии классического либерализма, причем их достижения в этой сфере не уступают по значимости собственно экономическим открытиям. Хотя их политико-философские сочинения переводятся и издаются в России[2], до сих пор на русском языке не было ни одной обобщающей работы, посвященной оригинальной политической философии, созданной в рамках австрийской школы. Предлагаемая вашему вниманию книга Раймондо Кубедду «Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, Л. Мизес, Ф. Хайек» призвана заполнить этот пробел.

Профессор Р. Кубедду является ярким представителем современной европейской школы классического либерализма. Он преподает в Пизанском университете и является ав-

---

[2] Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005; Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск: Социум, 2006; Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005; Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006; Хайек Ф. пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М.: Новости, 1992. См. также библиографию в наст. изд., с. 382–384.

тором ряда работ, посвященных политической философии классического либерализма, теории общественных институтов, методологи социальных наук и австрийской школе в экономической теории.

К числу многочисленных достоинств настоящей книги следует отнести то, что она представляет европейский классический либерализм как живую и развивающуюся традицию, отнюдь не ограничивающуюся повторением и популяризацией идей философов и экономистов XVIII–XIX вв. Ее лучшие умы продолжали и продолжают находить новые подходы к осмыслению своего времени и его основных проблем, соединяя творческий подход с приверженностью принципам и традиции. Читателя ждет много неожиданных открытий. Например, то, как обсуждаются проблемы демократии и авторитаризма выдающимися представителями современного классического либерализма совершенно не вписывается в расхожие стереотипы.

Книга Р. Кубедду сочетает широкий охват материала (некоторые из анализируемых им текстов разделены более чем столетним временным промежутком) с глубокой проработкой основных тем. В этом качестве она является незаменимым пособием при изучении классического либерализма как одного из основных политических течений современности.

Валентин Завадников

Председатель редакционного совета
Май 2008 г.

Предисловие

Эта книга посвящена анализу вопроса о том, какое значение для *политической философии* имеет «теория субъективной ценности» австрийской школы[3], если понимать политическую философию как *критическую и практическую дисциплину*. Наша задача состоит в том, чтобы проанализировать вклад представителей этой школы в теоретические социальные науки и модель *политического* порядка, вытекающую из ведущей роли, которую эта школа отводит индивидуализму.

Конкретной темой книги является методология и политическая философия Менгера, Мизеса и Хайека. Мы будем затрагивать экономические вопросы в узком смысле только в тех случаях, когда это будет необходимо для понимания подхода этих мыслителей к методологическим и политическим вопросам. В связи с этим я ограничусь лишь кратким упоминанием о Бём-Баверке и Визере. Несмотря на то что оба этих исследователя обращались к важным политическим вопросам – в качестве примера можно привести критику Бём-

---

[3] Об австрийской школе вообще см.: Howey, 1960; Kauder, 1965; Hayek, 1968a, pp. 458–462; Mises, 1969; Streissler, 1972, pp. 426–441; 1988, pp. 191–204 and 1990b, pp. 151–189; White, 1977; Taylor, 1980; Hutchison, 1981, pp. 176–232; Shand, 1984 and 1990; Barry, 1986b, pp. 58–80; Graver, 1986, pp. 1—32; Leser, 1986a; Pheby, 1988, pp. 95—113; Negishi, 1989, pp. 279–317; Boehm, 1990, pp. 201–241; De Vecchi, 1990, pp. 311–347; Hébert, 1990, pp. 190–200; Kirzner, 1990a, pp. 242–249; Parsons, 1990, pp. 295–319; Rosner, 1990.

Баверком Марксовой теории ценности[4] и работы Визера[5] по истории, социологии и политике, – их вклад относится к области политической мысли [политологии. – *Ред.*], а не политической философии. В отличие от Менгера, Мизеса и Хайека, в своей научной деятельности они почти не уделяли внимания философским основаниям политики.

Несмотря на все различия между Менгером, Мизесом и Хайеком, для всех троих их экономическая теория была частью некоторой философской системы. Воспринимать их просто как экономических теоретиков, интересовавшихся философией и социальными науками, было бы ошибочно. Это чересчур узкий подход. Однако, несмотря на то место, которое они занимают в современной политической философии, вероятно, было бы неправильно ставить их в один ряд с создателями всеобъемлющих философских систем. Тем не менее то время, когда они работали, было не только временем цельных философских концепций, но и периодом брожения в умах и появления новых идей, подрывавших сложившиеся представления. Таким образом, главный вклад австрийской школы в философию социальных наук, вероятно, связан с тем, что ее представители настаивали на необходимости пересмотреть систематическую структуру этих наук в

---

[4] См.: Бём-Баверк О. К завершению марксистской системы // Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. Челябинск: Социум, 2002. Бём-Баверк О. История и критика теорий процента. М.: Эксмо, 2008. Гл. XII «Теория эксплуатации».

[5] См. особенно: Wieser, 1914, 1926.

контексте открытий *теории предельной полезности*.

Если считать воздействие экономической теории на политическую жизнь одной из главных особенностей «современности», то подход представителей австрийской школы к соотношению *экономической теории* и *политики* может дать нам многое для понимания и объяснения того мира, в котором мы живем. Никакая другая научная школа не уделила столько внимания политическим последствиям актов индивидуального и коллективного экономического выбора, сколько австрийцы, и никакая другая школа не смогла достичь таких значительных результатов. *Философию социальных наук* австрийской школы можно воспринимать как попытку понять и объяснить историю и общественные институты с учетом естественной ограниченности человеческого знания. В силу этого она рассматривает историю и социальные институты как результаты (часто непреднамеренные) индивидуальных действий, направленных на достижение субъективных целей. Таким образом, Менгер, Мизес и Хайек были не столько экономистами, иногда обращавшимися к политическим вопросам, не столько мечтателями, погруженными в созерцание утопий, сколько мыслителями, которые создали теорию «наилучшего политического строя [*regime*]» на основании определенных представлений о человеческой деятельности и природе общества.

Иными словами, если верно то, что начало современной эпохи было отмечено эмансипацией политэкономии от поли-

тики и морали, в результате чего политэкономия приобрела статус «научной дисциплины», то не менее верно и то, что в наше время вопрос о наилучшем политическом строе неразрывно связан с экономическими проблемами. Ведь распространение информации и успех определенных моделей социального поведения привели к тому, что в наши дни ни одна идеология и ни один политический строй не в состоянии существовать продолжительное время, если они не способны удовлетворить субъективно понимаемые индивидуальные потребности. Сегодня это замечание кажется банальным, но в тот момент, когда Мизес и Хайек выступили со своей критикой социализма, оно вызвало многочисленные возражения. Они утверждали, что именно в силу неспособности соединить планирование с личной свободой социализм неизбежно выродится в хаос или тиранию. В то время господствовало мнение, что такой опасности вообще не существует, и такая критика воспринималась как идеологически ангажированная и основанная на ошибочных представлениях о механизмах экономического развития.

Если отличительной чертой современной эпохи, вероятно, является ведущая роль индивидуальных прав, то сама эта эпоха так или иначе представляется тесно связанной с рождением и развитием капиталистической ментальности и современной науки. В силу этого не будет преувеличением сказать, что отказ от рыночной экономики приводит и к отказу от либерально-демократического политического устройства.

Ведь либерально-демократическое государство и его цивилизационную систему, верховенства права, нельзя рассматривать в отрыве от итогов того, что по праву называют *капиталистической революцией*[6]. В основании идеи, утверждающей, что демократические структуры будто бы можно сохранить в отсутствие рыночной экономики, лежит непонимание того, что платой за разрыв этой связи будет распад существующей в развитых обществах системы социальных отношений. Из пренебрежения к этому звену цепи неизбежно вытекает неспособность понять то, что лежит в основании современной демократии. Ведь демократия – это в первую очередь не малореальная идея народоправства и не возможность выбора правящей элиты, а политическое признание субъективного характера выбора.

Все сказанное выше позволяет оценить вклад австрийской школы в современную политическую философию. Разумеется, то, что представители австрийской школы были критиками историцизма и сциентизма, дает возможность причислить их к категории критиков «современности» (*modernity*). Однако в их случае это была «современность» не в смысле процесса секуляризации, который в результате постепенного отхода от христианского откровения в конце концов приводит к релятивизму и нигилизму, а в смысле переоцен-

---

[6] См.: Berger, 1986 (ссылки на Мизеса и Хайека находятся соответственно на с. 188–189, and pp. 4, 6–7, 21, 80, 82, 88, 205); Pellicani, 1988; Seldon, 1990 (автор начинает с утверждения, что «капитализм требует не защиты, а прославления» (с. ix)).

ки возможностей человеческого знания и разума, которая в итоге неизбежно приводит к той или иной разновидности тоталитаризма. Если оставить в стороне теологические и эсхатологические последствия секуляризации, то современность можно рассматривать как эпоху, склонную недооценивать то, что чрезмерная рациональность является одной из причин тиранической власти, этого бича политики. Соответственно позицию австрийской школы можно рассматривать как критику современности и ее итогов изнутри; эта критика направлена на школы, доминировавшие в сфере политики и философии в течение последних столетий: на контрактуализм [теорию общественного договора. – *Ред.*], историческую школу, марксизм и идеализм.

Точно так же, как нельзя утверждать, что представители австрийской школы некритически поддерживали современные веяния, нельзя утверждать, что они были чистыми демократами. Они были либералами, которые высоко ценили демократию за ее теснейшую связь с субъективистской динамикой рыночной экономики и интегрировали эту концепцию в собственную либеральную традицию. Однако это не помешало им выступить и против того вырождения духа современности, которое представляет собой *конструктивистский сциентизм*, и против того вырождения демократии, которое происходит в социальном государстве. В случае Хайека, давшего исчерпывающий анализ этой проблемы, отправным пунктом стало противопоставление *естественности* и

искусственности, и в результате рассмотрения этого вопроса история западной цивилизации и ее развитие предстали в совершенно ином свете. Вопрос об основаниях для наилучшего политического строя больше не был связан ни с открытием *естественного порядка* и подражанием ему, ни с созданием *рационального порядка*, возникающего в результате общественного договора; он приобрел совершенно иную форму. Главной мишенью критики Хайека стала концепция «наилучшего строя [*regime*]» (понимаемого как рационалистическая модель политического порядка [*order*]), наличие которого, безусловно, является одной из отличительных особенностей современности. Несмотря на то, что Хайек указал на эту концепцию как на теоретическую предпосылку сползания к тоталитаризму, в своем анализе он продемонстрировал понимание того, что связанная с ним линия развития не является неизбежным итогом эволюции западной политической философии как таковой; скорее, она представляет собой всего лишь результат переоценки роли разума в делах людей.

Теоретическую проблематику австрийской школы можно вкратце описать как попытку понять, почему стремление людей достичь субъективных целей приводит к объективно валидным ситуациям. В таком контексте рынок (понимаемый как система передачи информации) и отражение в сфере политики запросов общества являются не более чем последствиями – иногда непредвиденными – столкновения

различных целей и элементов знания, непрерывное дифференцирование и развитие которых обогащают общество. Однако для этого процесса требуется наличие встроенных гарантий непрерывности обмена. Таким образом, принцип, согласно которому любое действие следует воспринимать как переход от ситуации, *субъективно* оцениваемой как относительно плохая, к ситуации, *субъективно* кажущейся лучше, выступает в качестве универсального объяснения человеческой деятельности, действительного для всей области социальных наук.

Итак, философская посылка этого типа либерализма состояла в том, что наилучшее решение проблемы сосуществования людей в обществе должно проистекать из сравнения и противопоставления различных субъективных решений. Но это также означало отрицание существования иных концепций политического общества и ценностных систем, чем те, которые по происхождению являются более или менее стихийными результатами человеческой деятельности. Аналогичным образом, эта посылка подразумевала, что история, а также общество, экономика и мораль, представляют собой не более чем последовательность решений, предлагавшихся отдельными людьми, которые стремились решить свои собственные проблемы.

Если не учитывать того, что факторы, породившие общество, описываются понятиями *потребность, обмен* (в самом широком смысле) и *редкость* (причина того, что ресурсы ис-

пользуются лишь одним из потенциально возможных способов), то природа политического останется недоступной для нас. Редкость в первую очередь следует рассматривать как один из фундаментальных законов политики, который распространяется и на отношения между отдельными людьми, и на отношения между государствами. Хотя *чисто экономическая теория политики* и была бы несостоятельной, экономический подход к теоретическим и практическим проблемам политической философии не может принести этой дисциплине ничего, кроме пользы. Вклад экономической науки в политическую философию переоценить невозможно, о чем свидетельствует интерес к решению теоретических проблем политэкономии со стороны тех, кто занимается политической философией, а также тот факт, что если бы в составе политической философии не было компонентов из области экономической науки, то она превратилась бы в бесплодное рефлексирование о наилучшем политическом строе. Иными словами, она либо свелась бы к спекулятивной, моралистической и метафизической интерпретации вопроса о происхождении и природе *гражданского общества* (под другим названием), либо выродилась бы в насильственное конструирование устройства, делающего из людей не граждан, а подданных.

Итак, политическая философия может преодолеть тщеславную пустоту теоретических моделей, которыми она так долго гордилась, только переосмыслив политэкономический

аспект своего предмета. Этот подход особенно актуален сегодня. Ведь после того, как политическая философия высвободилась из объятий мистики и теологии, она немедленно попала в лапы историцизма, естественно-научного подхода и нигилистического релятивизма. Тупик, в котором она оказалась, прежде всего требует критической оценки всех мифов современности; именно в этом свете следует воспринимать и интерпретировать философскую и политическую рефлексию австрийской школы.

Здесь можно также упомянуть о влиянии на австрийскую школу Аристотеля. Его влияние, столь сильно и явно ощущавшееся в работах Менгера, постепенно сходило на нет, пока не исчезло совсем. Мизес и Хайек усвоили метод Менгера, т. е. *методологический индивидуализм* (развив и разработав эту концепцию), но отказались от аристотелевского объяснения перехода от относительно простых форм социального взаимодействия (семьи) к более сложным объединениям посредством понятия «сущности» (*Wesen*). Различия между Менгером, Мизесом и Хайеком можно проследить в их позиции по этому вопросу.

Размышления Менгера, Мизеса и Хайека разворачивались на фоне эпохи, отличительной чертой которой был успех феномена социализма. Их атаки на это явление и их сопротивление ему сегодня могут показаться устаревшими. Однако утверждение, будто бы из-за этого их идеи потеряли всякое значение, чрезвычайно далеко от истины: во-пер-

вых, потому, что социализм – это всего лишь наиболее яркое проявление той ментальности, которую никак нельзя считать побежденной; во-вторых, потому что лишь сегодня мы приступаем к критической переоценке тех дегенеративных явлений в западных демократиях, на которые обратил наше внимание Хайек. Кроме того, что австрийский анализ социализма и интервенционизма обладает несомненными достоинствами, а предсказания австрийцев подтверждены историей, справедливыми представляются и их общетеоретические утверждения. Недооценивать их политическую философию было бы серьезной ошибкой: признать их правоту в вопросе о социализме, но забыть о том, что они создавали именно политическую философию, иначе говоря, о том, что предметом их размышлений был *наилучший политический порядок*. Поэтому их рефлексия имеет теоретический статус, который, как это ни странно, не утрачивается с крушением социализма; она тесно связана с их размышлениями об истории политической философии, которая затрагивает множество отдельных интересных тем.

Эту книгу можно воспринимать как попытку показать, какие следствия для теоретической науки об обществе вытекают из *субъективной теории ценности*, в частности, то, какое воздействие они оказывают на понятие «блага» и связанное с ним понятие «общего блага», которое представляет собой центральное понятие политической философии как инструмента *поиска наилучшего строя*. Это исследование того,

каким образом представители австрийской школы, и в особенности Хайек, подходили к проблеме политической философии с учетом трансформации понятий *блага* и *ценности*, а также необходимости предотвратить релятивистский результат. Политическая философия австрийской школы представляет собой антитезу социалистическим идеологиям. В то же время она является критическим стимулом для демократических и либеральных теорий, еще не осознавших, что философские и экономические постулаты той теории человеческой деятельности, которой они руководствуются, не прошли проверку временем. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить о нежелательных последствиях демократии.

Глава 1 Методологические проблемы

Как же могут возникать институты, служащие для общего блага и чрезвычайно важные для его развития, без общей воли, направленной к их установлению?
Карл Менгер «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности»

§ 1. Методологические основания

Сочинение Менгера «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности»[7] занимает исключительное место в истории социальных наук. В

[7] О менгеровской методологии см.: Wicksell, 1921, pp. 186–192; Pfister, 1928, pp. 25–45; Hayek, 1933, pp. v – xxxviii; Bloch, 1940, pp. 431–433; Dobretsberger, 1949, pp. 78–89; Albert, 1963, pp. 352–380, esp. p. 364; Kauder, 1965; Spiegel, 1971, pp. 530–537; Hutchison, 1973, pp. 14–37, Hutchison, 1981, pp. 176–202; Streissler and Weber, 1973, pp. 226–232; Kirzner, 1976a, pp. 41–42; Littlechild, 1978, pp. 12–26; Vaughn, 1978, pp. 60–64, Vaughn, 1990; Zamagni, 1982, pp. 63–93; Ekelund and Hébert, 1983, pp. 282ff.; White, 1985, pp. vii – xxi, White, 1990; Antiseri, 1984, pp. 44–60; Boos, 1986; Galeotti, 1988, pp. 123–137; Alter, 1990a, Alter, 1990b; Birner, 1990; Lavoie, 1990b; Mäki, 1990b; Milford, 1990; Smith, B., 1990a. У Альтера см. особенно 1990a; эту книгу можно рассматривать как справочник по менгеровской философии социальных наук и по тому культурному контексту, в котором происходило развитие его идей.

этой работе автор предпринял первые шаги на пути исследования тех эпистемологических проблем, которые остаются открытыми по сей день, а кроме того, обратил внимание на методологические и политические последствия историзма (*Historismus*)[8]. «Исследования» не просто сыграли фундаментальную роль в прояснении центральных вопросов теоретической науки об обществе; эта книга задала новую рамку для соотношения самих социальных наук и тех двух феноменов, характеризовавших их изучение в течение последних столетий, а именно с тенденцией подходить к ним с эмпирически-естественно-научной точки зрения и с тенденцией подходить к ним с исторической точки зрения.

Значимость этого произведения объясняется также тем, что оно является центральным текстом австрийской школы, посвященным философии социальных наук и эпистемологии. Если не учитывать деталей, связанных с некоторыми различиями в позициях Менгера, Мизеса и Хайека, оно оказывало постоянное воздействие как на обсуждение методологических, философских и политических вопросов, так и на цели, вокруг которых возникали эти дискуссии. Критические возражения Хайека и Мизеса против теорий познания историзма и социализма тесно связаны с вопросами, затронутыми Менгером.

Однако «Исследования» представляют собой не просто

---

[8] Термины «историзм» и «историцизм» употребляются в соответствии с тем, какой из них использовал тот или иной конкретный автор.

трактат о теоретических социальных науках и не просто полемическое выступление; их можно также рассматривать как первую попытку создать связь между социальными науками и тем взрывом в экономической науке, который носит название «маржиналистской революции». Главная заслуга Менгера состоит в том, что, рассматривая экономическую теорию как дисциплину, способную открыть новый аспект для истолкования мотивов человеческой деятельности и предсказания ее результатов, он продемонстрировал, что, *теория субъективной ценности* должна привести к глубоким изменениям в теоретическом подходе к наукам об обществе. Это противоречило господствовавшему в германских странах подходу, который отводил экономической теории относительно низкий ранг в рамках *allgemeine Staatslehre* (общей теории государства)[9]. Менгер же решительно пересмотрел сложившуюся соподчиненность политической философии, этики и экономической теории, избавив последнюю от чисто вспомогательного статуса, создав на этом фундаменте новую теорию происхождения и развития социальных институтов.

Если сосредоточиться на рассмотрении того нового, что содержалось в подходе Менгера, то перед нами встает вопрос: а нельзя ли свести всю его критику немецкой истори-

---

[9] Чтобы понять ту культурную атмосферу, в которой работал Менгер, а также отношение к экономической теории в немецких и австрийских университетах того времени, см.: Schiera, 1987, pp. 185–205, особенно с. 187, где описана позиция Менгера. Не случайно Менгер выступал против того, чтобы отвести экономической теории подчиненное положение, назвав ее «наукой об управлении».

ческой школы немецких экономистов к эпистемологическим проблемам, вытекающим из редукции экономической теории к экономической истории[10]. Однако такая интерпретация плохо объясняет, почему Менгер уделил так много времени и усилий критике исследовательской программы, банальность эпистемологических оснований которой он хорошо осознавал. Дело в том, что его критика была направлена не только против методологии, но и против идеологической программы исторической школы немецких экономистов. Он понял и публично заявил, что эта программа состоит не только в редукции экономической теории к экономической истории, но и в отказе признать значимость «маржиналистской революции» и помимо всего прочего представляет собой попытку рассматривать экономическую теорию как инструмент политики и этики.

Концептуальное содержание «Исследований» развертывается через последовательность критических замечаний, направленных против 1) научного позитивизма (Ф. Бэкон, О. Конт, Дж. С. Милль), 2) роли рационального знания в делах людей (Смит) и 3) утверждения, будто история может служить источником теоретического знания о проблемах человечества (Рошер, Книс, Гильдебранд, Шмоллер). Иными словами, Менгер отказался от позитивистской концепции науки и от идеи фрагментации знания; он отбросил прагматизм «абстрактного рационализма» и поставил под сомнение

[10] См.: Milford, 1988a и 1988b.

надежность оснований теории познания и истинность выводов исторической школы немецких экономистов.

Итак, яркой особенностью «Исследований» является критическое отношение к теоретическим и культурным предпосылкам исторической школы немецких экономистов, и особенно к ее попытке представить историю как источник всего познания. Однако Менгер не сомневался в ценности исторического знания для политической деятельности; напротив, для того чтобы продемонстрировать банальность того, что представители исторической школы считали своими открытиями, он ссылался на примеры из Платона, Аристотеля, Макиавелли, Бодена, физиократов, Вольтера, Монтескье, Смита и Савиньи[11].

Другая важная особенность его критики относилась к классификации экономических наук и к их методу. Менгер различал три группы экономических наук: «Во-первых, *исторические* науки (история) и экономическая статистика, которые имеют задачей исследовать и представить индивидуальную сущность и индивидуальную связь экономических явлений; во-вторых, *теоретические науки* о человече-

---

[11] В числе этих открытий были мысль о важности уроков истории для политики и уверенность в том, что «*одинаковое государственное устройство и законодательство не применимы ко всем народам и во все времена, а что, напротив, каждый народ и каждая эпоха требуют, сообразно своим особенностям, различных законов и государственных учреждений*». См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 422.

ском хозяйстве, которые имеют своей задачей исследовать и изобразить родовую сущность и родовую связь экономических явлений (их законы), наконец, в-третьих, *практические* науки о хозяйстве, задачей которых является изучение и описание оснований, по которым хозяйственные цели людей (смотря по данным условиям) могут быть достигаемы наиболее успешно (экономическую политику и финансы)»[12].

Эта же систематизация, только более подробная, изложена и в заключительной части книги[13]. Менгер упрекал исто-

---

[12] Там же. С. 303–304; Каудер писал по поводу с. 35 и 79–80 [немецкого издания; в русск. изд. см. с. 321 и 351–352] «Исследования»: «Менгер снова и снова повторяет, что созданию его философии науки способствовали Платон и Аристотель» (Kauder, 1957, pp. 414—415ff).

[13] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 468–469. Задача «*исторических* экономических наук», подразделяемых на *статистику* и историю человеческого хозяйства, в зависимости от того, что является их предметом – синхронное состояние или эволюция, состоит в изучении конкретной природы явлений и экономических связей. Изучение общей природы явлений и экономических связей, с другой стороны, представляет собой задачу «*теоретических* наук о человеческом хозяйстве, которые в своей совокупности образуют *теорию народного хозяйства* [*Theorie der Volkswirthschaft*], в отдельности же соответствуют различным направлениям теоретического исследования в области народного хозяйства». Наконец, имеются «практические науки о хозяйстве [*praktischen Wirthschaftswissenschaften*]», задача которых состоит в том, чтобы обучать наиболее эффективным средствам для достижения экономических целей. Внутри этой области Менгер выделял «*Народнохозяйственную политику* [*Volkswirthschaftspolitik*]» и «*практическое учение о сингулярном хозяйстве* [*praktische Singularwirthschaftslehre*]». Первая – «наука об основаниях для целесообразного (соответственно обстоятельствам) спосешествования «народному хозяйству» со стороны публичных властей», вторая – «на-

рическую школу немецких экономистов за смешение этих трех типов наук, а также за то, что она формулировала нормы практической деятельности на основании ошибочного представления об экономической науке. Любой политический курс, основанный на неверном представлении о человеческой жизни, будет обречен на неудачу[14]. Эта классификация, которая представляет собой категориальное ядро «Исследований», помогает лучше понять критическое отношение Менгера к исторической школе немецких экономистов. Кроме того, она позволяет постичь соотношение между эмпирико-реалистическим подходом и точным подходом, между *эмпирическими законами* и *точными законами*. Наконец, она способна пролить свет на функцию экономической науки.

ука об основаниях, по которым наиболее совершенно могут быть удовлетворяемы экономические цели сингулярных хозяйств (сообразно данным условиям); она в свою очередь распадалась на: 1) «*финансовую науку* [*Finanzwissenschaft*] и 2) «практическое учение *о частном хозяйстве* [praktische *Privatwirthschaftslehre*], науку об основаниях, по которым частные лица (живущие при современных социальных условиях!) могут (соответственно своим условиям) наиболее целесообразно устраивать свое хозяйство».Menger, 1884, e.g. p. 13, также критиковал представителей исторической школы немецких экономистов за то, что они пренебрегли различием между теоретическими и практическими экономическими науками. Эту проблему, как мы увидим ниже, он снова проанализировал в: Menger, 1889b,pp. 185–218; см.: Alter, 1990a, pp. 84ff.

[14] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 434–450, особенно с. 446–448. Об этом также см.: Menger, 1884, pp. 44–45.

Фундаментальной ошибкой исторической школы немецких экономистов было то, что она воспринимала общество как *эмпирическое и органически-натуралистическое целое* . Соответственно, представители этой школы изучали общество с помощью индуктивно-компаративного метода, который не соответствовал характеру предмета исследования. Вследствие этого цель этой школы – обнаружить законы, которые управляют обществом и ходом истории, – не смогла принести приемлемых теоретических результатов.

В отличие от исторической школы немецких экономистов, которая была склонна воспринимать социальные институты как данность и недооценивала роль отдельных людей в их формировании, Менгер рассматривал эти институты как результат – иногда невольный – индивидуальных актов выбора. С его точки зрения, теоретическое знание об обществе не может основываться на обобщении эмпирических данных: оно должно начинаться с разделения относительно сложных фактов на элементарные компоненты. Соответственно, задача экономической теории, как и других «точных законов», состоит в том, чтобы «дать нам уразумение конкретных явлений реального мира, в качестве отдельных примеров известной законосообразности в последовательности явлений, т. е. выяснить их генетически». Таким образом, его исследовательская модель должна была представлять собой попытку объяснить «сложные явления подлежащей области исследования в качестве результатов вза-

имодействия факторов их возникновения. *Этот генетический элемент неразрывен с идеей теоретических наук*»[15].

Итак, задача Менгера состояла в том, чтобы дать ответ на следующий вопрос: «*Как же могут институты, служащие для общественного благополучия и чрезвычайно важные для его развития, возникать без* общей воли, *направленной к их установлению*?» Однако он не собирался постулировать превосходство экономической науки в рамках социальных наук, так как в число тех институтов, которые «в значительной степени являются непреднамеренным результатом развития общества», он включал право, религию, государство, деньги, рынок, цены на блага, процентные ставки, земельную ренту, заработную плату и многие другие явления социальной жизни, в частности экономические[16].

Это был отход как от органического натурализма исторической школы немецких экономистов, так и от позитивизма и индивидуалистической традиции рационалистического либерализма, так как, согласно интерпретации Менгера, история человечества представляет собой *эволюцион-*

---

[15] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 356. Ср. это с высказываниями Аристотеля в «Политике» (I, 1252a, 19–24). По поводу Менгера см.: Nishiyama, 1979, pp. 34ff., хотя там и нет упоминаний об Аристотеле.

[16] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 403–404.

ный процесс, в основании которого в определенном смысле лежит нечто, свойственное человеку «от природы», или его «сущность» [*Wesen*]. Такое представление об истории можно также рассматривать как расширение того концепта общества, который Менгер почерпнул у Аристотеля[17] и распространил на весь исторический процесс.

Этот подход привел Менгера к отрицанию того, что явле-

---

[17] Первым, кто доказал влияние Аристотеля на теорию ценности Менгера, Бём-Баверка и Визера, был Краус: Kraus, 1905, pp. 573–592. На эту тему см. также: Kraus, 1937, pp. 357ff. На тезис Крауса практически никто не отреагировал. Сигимура, Старк и Добрецбергер (Sugimura, 1926; Stark, 1944, p. 3; Dobretsberger, 1949, pp. 78–89) утверждали, что в методологии Менгера видно влияние Канта. Это представление неверно – и в силу отсутствия в «Исследованиях» ссылок на Канта, и по результатам исследований Каудером неопубликованных текстов Менгера из коллекции Университета Хитоцубаси (там же хранится часть библиотеки Менгера). Эти исследования выявили влияние Аристотеля на менгеровскую теорию ценности, на его классификацию наук и методологию социальных наук. См. особенно: Kauder, 1953a, pp. 638–639 (о «теории ценности»); 1953b, p. 572 and n. (о распространении кантианства в Австрии); 1957, pp. 414–415 (о влиянии Аристотеля и Канта); 1959, pp. 59ff. (критика утверждения о влиянии на Менгера Канта и описание влияния на него Аристотеля); 1961, pp. 71–72 (о неокантианской философии); 1962, pp. 3–6 (о влиянии на Менгера Аристотеля и о знакомстве Менгера с философией Канта). О трактовке Каудером австрийской школы см.: Johnston, 1972, pp. 86–87 (также для общего представления об австрийской культуре того времени). О влиянии Аристотеля на Менгера см.: Rothbard, 1976b, pp. 52–74, особенно с. 69–71. Альтер (Alter, 1982, pp. 154–155) писал, что Менгер «так же как Аристотель… различает науки по их предмету, а не на основании разделения на *Geisteswissenschaften* и *Naturwissenschaften,* как это было принято в современной ему Германии». Кроме того, см. замечания Альтера на эту тему в: Alter, 1990a, pp. 112–121. Важные замечания, позволяющие реконструировать влияние Аристотеля на австрийскую культуру и на Менгера, содержатся в работах: Smith, 1986, p. 36 и Smith, 1990a, pp. 263–288.

ния мира людей можно рассматривать так же, как явления, принадлежащие миру природы. Вместе с тем он критически относился и к такому толкованию происхождения социальных институтов – он называл его «прагматическим», – когда эти институты рассматриваются как результат действия индивидуальной или коллективной человеческой воли. Он возражал против этого на том основании, что таким образом можно объяснить не все институты. С его точки зрения, «прагматическое» толкование (которое он приписывал, в частности, Смиту), было типично для «одностороннего рационалистического либерализма [*einseitiger rationalistischer Liberalismus*]», для «отчасти поверхностного прагматизма [*zum Theil oberfldchlicher Pragmatismus*]». Сама эта попытка избавиться от всего иррационального и создать новые, более рациональные институции, по мнению Менгера, обречена и «вопреки намерению его [такого взгляда] представителей неминуемо ведет к социализму»[18].

---

[18] Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 433. Менгер повторил это замечание и распространил его на теорию прибыли Смита в: Menger, 1891, pp. 224–225. Об отношении Менгера к экономистам классической школы см.: Yagi, 1981, pp. 205–235; Rothschild, 1986, pp. 11–27.О политических идеях Менгера и старой австрийской школы см.: Kauder, 1957, pp. 421ff.; Kirzner, 1990b, pp. 93—106; Yagi, 1992, pp. 93—108. О том, в какой степени взгляды Менгера на социализм формировались под влиянием его брата Антона, см.: Kauder, 1965, p. 64; Johnston, 1972, pp. 92–94.О критике Менгером Смита см.: Block, 1940, pp. 430–431; Hutchison, 1973, pp. 29–31, 1981, pp. 191–192; Alter, 1982, pp. 153–154. О влиянии Смита в Австрии см.: Kauder, 1957, p. 420. Менгер не только критиковал Смита, но и защищал его экономический

Менгер не стал распространять метод и задачи экономической теории на философию социальных наук. Однако он распространил на теоретические социальные науки (включая экономическую науку) теорию человеческой деятельности, а также теорию возникновения и развития социальных институтов. Таким образом, революционное ядро его мысли состоит в новых перспективах, которые его *теория субъективной ценности* открыла для изучения социальных явлений.

Подтверждением того, что Менгер не стремился предложить экономическое толкование рождения и развития общества, является его убеждение, что самая ранняя реакция на прагматизм возникла в сфере права. Ведь именно «проникнутый духом английской юриспруденции» Бёрк смог полностью осознать «особенное значение органических явлений социальной жизни и отчасти несознательное происхождение последних». Эта мысль, первоначально выдвинутая Монтескье, достигла наивысшего расцвета в Германии, где идеи Бёрка стали «поводом к опровержению прагматизма в юриспруденции». Сначала Густав Гуго, а вслед за ним – Савиньи и Бартольд Георг Нибур развивали мысль о праве как о «несознательном результате высшей мудрости, исторического развития народов» и опровергали мнения тех, кто, апеллируя к «чистому абстрактному восприятию», требовал «создания

индивидуализм (и вообще индивидуализм экономистов классической школы) от критики со стороны исторической школы немецких экономистов.

универсальной модели права»[19].

Отнюдь не считая социальные институты неизменяемыми, основатели исторической школы права стремились к более глубокому пониманию подобных институтов. В противоположность реформизму «одностороннего рационализма» они требовали не столько возврата к прошлому, сколько большего внимания к мудрости и гибкости институтов, сложившихся в ходе истории; подход, не одобрявшийся сторонниками абстрактного рационализма, в основе которого лежало желание подчинить реальность разуму[20].

Итак, когда Менгер сталкивался с позитивизмом Конта и Милля[21], с *историзмом*, не делавшим различий между исторической, политической и экономической науками, а также с *абстрактным рационализмом*, восходящим к Просвещению, он не скрывал своих симпатий к исторической школе права. Не скрывал он и тесной связи своих взглядов со взглядами Савиньи, который хорошо понимал всю важность исторических аспектов и обычая для формирования языка и пра-

---

[19] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 428–430.

[20] Там же. С. 433. Менгер не смешивал взгляды Бёрка и Савиньи со взглядами де Местра и фон Галлера, о которых он также упоминал. О политических идеях исторической школы права см.: Tessitore, 1981, pp. 35–94; Cesa, 1986, pp. 83—103.

[21] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 333, 469–470 сн. 144.

ва, не пренебрегая при этом теоретическим анализом этих проблем[22].

Оставим в стороне вопрос о расхождении позиций Менгера и представителей исторической школы права. Его критика исторической школы немецких экономистов помимо прочего содержала замечания философского характера по поводу соотношения между практическими, историческими и теоретическими науками[23]. Так, он писал, что «явления мо-

---

[22] Савиньи цитируется в «Исследованиях» чаще всего. Он всегда упоминается в позитивном контексте, в основном тогда, когда Менгер пишет о его теории происхождения права и языка (Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 308 и сн. 14, 430 и сн. 92, 431 сн. 93) и денег (там же, с. 411 и сн. 58) (о деньгах см. также: Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранное. М.: Территория будущего, 2005. С. 261–262 сн. 83); там же Менгер оспаривает близость Рошера к «историческому методу» Савиньи, с. 443–444, 444 сн. 120. О том, как Менгер относится к Савиньи, см.: Alter, 1982, pp. 151—54; 1990a, pp. 43ff; Marini, 1982b, pp. 197–209.

[23] Как писал Менгер в «Исследованиях»: «*Теорию* хозяйства ни в коем случае нельзя смешивать с *историческими* или с *практическими* науками о хозяйстве». А описывая «естественные законы [*Naturgesetze*]» экономических явлений» – отличные от «эмпирических законов [*empirische Gesetze*]», – на основании которых можно сделать выходящие за пределы непосредственного опыта выводы о вероятности будущих явлений или о сосуществовании явлений, не наблюдаемых непосредственно», он добавил, что это не означает отрицания того факта, что те «теоретические науки, которые описывают лишь эмпирические законы, соответственно имеют большее практическое значение для человеческой жизни; но при этом содержащемуся в них знанию присуща не абсолютная определенность, а лишь то большая, то меньшая степень вероятности. Напротив, *историческое* знание и историческое понимание явлений сами по себе в принципе не обеспечивают нам такого предвидения и т. п., и поэтому они не в состоянии служить

гут быть исследуемы с двоякой точки зрения: *индивидуальной* (исторической, в самом обширном смысле этого слова) и *родовой* (теоретической). Задача первого направления исследования состоит в познании конкретных явлений в их индивидуальной сущности и их индивидуальной связи; задача второго – в познании форм явлений (типов) и типических соотношений (законов явлений)»[24].

Итак, теоретические науки должны «дать нам типы (эмпирические формы [*die Erscheinungsformen*]) и типические соотношения (законы [*die Gesetze*]) явлений, теоретическое

заменой теоретического знания. Историческое знание может быть исключительно материалом, на основании которого мы способны устанавливать законы явлений (например, законы развития хозяйства). Даже политик-практик сначала должен получить общие знания (узнать правила из истории), перед тем как он начнет делать выводы, направленные на формирование грядущих событий. То, что применительно к сфере экономических явлений отдельные школы считают абсолютную строгость результатов теоретического исследования недостижимой, действительно может придать особый характер теоретическим исследованиям в сфере экономических явлений и особенностям этой сферы. Однако это не может привести к тому, что в экономической жизни историческое или практическое направление исследований будет способно заменить собой теоретические исследования. Это верно и в том отношении, что теоретические исследования в экономике действительно встречаются с такими трудностями, которых нет у естественных наук, представленных конкретными дисциплинами. Наконец, справедливо и то, что проблемы экономической теории не всегда относятся точно к тому же типу, что и проблемы, возникающие у теоретических естественных наук. *Теоретическую* экономическую науку в принципе нельзя рассматривать ни как *историческую* науку, ни как *практическую*, чего хотелось бы многим» (Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 317).

[24] Там же. С. 306.

понимание, выходящее за пределы непосредственного опыта, и господство над явлениями в тех случаях, когда мы имеем возможность располагать условиями явлений»[25].

Менгер стремился к тому, чтобы «привести явления реального мира, как они представляются нам в их эмпирической действительности, к строгим типам и отыскать строго типические соотношения – «естественные законы» [*Naturgesetze*] явлений. Он вполне осознавал, что «стремление установить строгие категории форм явлений, обнимающие „все эмпирические действительности“ (в их полном содержании) – представляется потому недостижимой целью теоретического исследования». Таким образом, представляется, что этой цели было бы еще сложнее достичь посредством реалистического подхода, который пытается открыть общие законы путем наблюдения регулярностей в общем поведении явлений[26]. «Аристотель правильно

---

[25] Там же. С. 320. Ср. со с. 473–476.

[26] Там же. С. 320. Не случайно, что на этих и последующих страницах, где Менгер конкретизирует свое представление о «естественном законе» (*Naturgesetz*), он ссылается исключительно на Аристотеля и Бэкона. На с. 323 сн. 18 он предупреждает об опасности спутать «*empirische Gesetze*» (эмпирические законы) и «*Naturgesetze (im eigentlichen Verstande dieses Wortes)*» (естественные законы в собственном смысле слова). Кроме того, он указывает на фундаментальную ошибку в этих рассуждениях в целом и пишет, что они неверны и уже привели к возникновению существенной путаницы вокруг теоретических проблем нашей науки. Разница между теоретическими *естественными науками* и теоретическими социальными науками связана исключительно с тем, что они изучают с теоретической точки зрения разные явления. Речь не идет о разных методах, так как и реалистическое, и точное направление теоретических исследований допустимы

понимал это, отрицая строго научный характер индукции; но даже существенно усовершенствованный *Бэконом* индуктивный метод оказался в состоянии лишь увеличить степень уверенности в ненарушимости законов, добытых указанным путем (эмпирической индукцией!), но никак не дать полное тому ручательство», и не стал таким средством, которое позволило бы обнаружить строгие (точные) законы явлений (*strenge exacte Gesetze der Erscheinungen*)[27].

в обеих сферах мира явлений (в естественной и в социальной). Разница существует исключительно между *реалистическим* и *точным* направлениями теоретических исследований, а также между науками, к которым относятся исследовательские результаты этих направлений, т. е. между эмпирическими и точными теоретическими науками. Существуют естественные науки, которые не являются точными (например, физиология, метеорология и др.), и, напротив, существуют точные науки, которые не являются естественными науками (например, чистая экономическая теория [*reine Nationalokonomie*]). Соответственно, неправильно называть последнюю «*естественной* наукой» [*Naturwissenschaft*]. На самом деле это *точная моральная* наука [*exacte ethische Wissenschaft*]. Наконец, так же неверно говорить о методе *естественных* наук применительно к социальным наукам в целом и к экономической теории [*theoretischen Nationalokonomie*], в частности. Метод последней может быть либо эмпирическим, либо точным, но он в принципе не может быть «естественно-научным» [*naturwissenschaftliche*].

[27] Там же. С. 320. Хотя Менгер и ссылается на Аристотеля, он не приводит ни одной конкретной цитаты из него. На последующих страницах он развивает эту тему и пишет, что исследование, основанное на эмпирически-реалистической точке зрения, позволяет лишь определить «*реальные типы*, основные формы реальных явлений» и «*эмпирические законы*, теоретические познания, которые выясняют нам фактические (за ненарушимость которых нельзя, однако, поручиться) регулярности в последовательности и конфигурации реальных явлений». В завершение он утверждает, что «применяя сказанное к теоретическому исследованию в области народно-хозяйственных явлений, мы приходим к тому результату, что, поскольку эти последние рассматриваются в их „полной эмпирической

Целью Менгера, отправным пунктом для достижения которой была его критика методологической ограниченности индуктивного метода, было, таким образом, открытие «*точных естественных законов* [*exacte Naturgesetze*]»[28]. Они должны были быть добыты не «реалистически-эмпирическим направлением теоретического исследования», а его «точным» направлением, которое применимо к области естественных и социальных явлений и принципиально отличается «от эмпирико-реалистической индукции Бэкона». Таким образом, в основании ошибки тех социальных философов, которые пытались получить «точные социальные законы» посредством эмпирического исследования, лежала путаница вокруг *точных естественных законов* и того,

---

действительности“, оказываются достижимыми лишь „реальные типы“ и „эмпирические законы“ их, о строгих же (точных) теоретических познаниях вообще и о строгих законах (о так называемых „естественных законах“ [*Naturgesetzen*]) их, в частности, не может быть и речи при указанном условии» (Там же. С. 321).

[28] Также «Никомахова этика», V, E, 7, 1134b, 19–20, «Метафизика», IX, Q, 7, 1049a, 1049b, 5—10; за идеями, имеющими отношение к такой интерпретации, можно обратиться к «Политике» I, (A), 2, 1252b (цитируется в: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 473, и в приложении VII, где автор выражает согласие с мнением Аристотеля о том, что государство является естественным явлением, присущим людям по природе; также к «О частях животных», I, (A), 1, 639 *b* 25, и 642 *a* 35). В «Исследованиях» Менгер ссылается только на «Никомахову этику» и «Политику». Лахманн (Lachmann, 1978, pp. 58–59) отметил противоречие между детерминизмом точных законов и субъективизмом индивидуального выбора.

как их обнаружить[29]. Это «побудило некоторых стремиться к *точным* законам социальных явлений «эмпирическим», а не *точным* путем, других же привело к тому, что они стали прилагать к результатам эмпирического исследования в области социальных наук масштабы точного исследования, и обратно – к результатам *точного* социального исследования, масштабы эмпирического исследования – две ошибки, одинаково гибельно повлиявшие на развитие социальных наук и вызвавшие большую часть недоразумений, господствующих в теоретическом социальном исследовании в его настоящем виде и в его современных стремлениях»[30].

Несмотря на то что критика Менгером индуктивизма представляет существенный частный интерес и далеко выходит за теоретические пределы позитивизма, представленного исторической школой немецких экономистов, проблема «естественного», или «точных естественных законов», является гораздо более сложной. Она связана с отысканием таких «строгих законов явлений, регулярностей в последовательности явлений, таких регулярностей, которые не только представляются нам ненарушимыми, но, ввиду самого способа познавания, служащего для отыскания их, в себе самих носят ручательство своей ненарушимости, в отыска-

---

[29] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 473.

[30] Там же. С. 473.

нии таких законов явлений, которые, обыкновенно, называют „естественными законами“ [*Naturgesetze*], но правильнее называть „*точными законами*“ [*exacte* Gesetze]»[31].

Если цель состоит в попытке сформулировать «точные законы», то теоретическое исследование должно начинаться с «*простейших элементов* всего реального», которые должны восприниматься «как строго типические». При этом их можно лишь отчасти выявить на основании эмпирически-реалистического подхода, поскольку весь смысл исследования в том, чтобы прийти «к формам явлений *качественно* строго типическим», т. е. получить *типические понятия*, «которые, разумеется, не могут быть проверены на полной эмпирической действительности (так как формы явлений, о которых здесь идет речь… существуют до известной степени лишь в нашем представлении), однако эти результаты соответствуют специфической задаче точного направления теоретического исследования и составляют необходимое основание и условие для отыскания *точных законов*»[32].

В той мере, в какой наука стремится сформулировать «типичные соотношения (точные законы) явлений», ее не занимают реальные феномены: «Она изучает, как из вышеуказанных простейших, до известной степени даже не эмпи-

---

[31] Там же. С. 323. О *exacte Naturgesetze* (точных естественных законах) см.: Mäki, 1990a.

[32] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 325.

рических элементов реального мира, в их изолированности (также неэмпирической) от всех других явлений развиваются более сложные феномены, – причем постоянно обращается внимание на точную (тоже идеальную!) меру»[33].

Итак, точная наука стремится обнаружить «строгие законы». Она исходит из существования «строго типических элементов», которые можно выделить, если представить их «в полной изолированности от всех других действующих факторов». Таким образом Менгер выразил свою веру в то, что можно достичь «таких законов явлений, которые не только не допускают исключений, но иначе не могут быть и мыслимы по самым законам нашего мышления». Затем он приступает к поиску этих «точных законов, так называемых «естественных законов» явлений»[34]. Применительно к социальным явлениям этот подход состоит в том, что «мы прослеживаем [*zurückführen*] человеческие явления к их первейшим и простейшим конститутивным факторам, прилагаем к этим последним соответствующую их природе меру и наконец стремимся раскрыть законы, по которым образуются из этих простейших элементов *более сложные* человеческие явления»[35].

---

[33] Там же.

[34] Там же. С. 323–325.

[35] Там же. С. 326–327. Менгер вновь обратился к этому вопросу на последующих страницах, см. с. 328. Как мы увидим позже, *zurűckfűhren* следует переводить как «прослеживать к» (*to trace back*), а не как «сводить» (*to reduce*).

Несмотря на отсылку к «законам нашего мышления», эти «точные естественные законы» нельзя интерпретировать в кантианском духе. Менгер никогда не устанавливал прямой корреляции между «точным естественным законом» и Аристотелем[36]. Однако понятно, что сочетание представления о

[36] О природе «точных законов», кроме замечаний Менгера, см.: Kauder, 1957, p. 416. В той же статье см. с. 414 и сн. 10, 11. Каудер писал: «До того как Менгер изложил свою методологию, он глубоко изучил Аристотеля. Позже он познакомился с идеями Вундта и Канта. Следов влияния Канта обнаружить в его работах нельзя, поскольку Менгер изучал Канта в течение долгих лет своего молчания». О связи понятий *Wesen* и *exacte Naturgesetze* см.: Kauder, 1965, pp. 97–98. В этой работе Каудер писал, что для Менгера, в отличие от Джевонса и Вальраса, которые сводили экономические явления к идеальным типам с помощью абстрагирования и изоляции, объектами науки были не модели, созданные нашим разумом, а скорее социальные сущности. Сущность означает реальность, лежащую в основе явления… Вера в сущности есть принцип философского реализма; главным представителем школы реализма является Аристотель…Теория Менгера имеет дело с аристотелевскими сущностями, с точными типами и типическими соотношениями, и эти теоретические типы служат источником знания, которое трансцендентно по отношению к непосредственной информации. Теоретический анализ Менгера дает законы и понятия, которые действительны для любого времени и места. Он соединил современную теорию с философией, которой в 1883 г… было более двух тысяч лет. Как и его древнегреческий учитель, Менгер искал реальность, скрытую за наблюдаемой поверхностью вещей.О влиянии Аристотеля на Менгера см. также: Hutchison, 1973, pp. 19–23; Hutchison, 1981, pp. 179–183; Lachmann, 1978, pp. 58–59; Alter, 1990a. Это влияние хотя и не отрицается, но радикально пересматривается в: Silverman, 1990, pp. 69ff.; Сильверман находит у Менгера сильное влияние камеральной «австрийской» традиции и полагает, что отсылки Менгера к Аристотелю в «Исследованиях» носят общий характер и не могут рассматриваться как свидетельство его реального влияния на позицию Менгера. Несмотря на то что проблематика Менгера и выдвинутые им гипотезы не обязательно рассматривать в рамках системы Аристотеля, обсуждение этой темы следует начинать с анализа цитат из Аристотеля в трудах Менгера; кроме

«законе» как о «естественном соотношении явлений», которое должно быть «добыто» «точной наукой», с признанием неосязаемого характера субъективности, составляющей неотъемлемую часть человеческих отношений, действительно ставит философские проблемы, которые могут показаться неразрешимыми, если не воспринимать их в аристотелианской рамке. Поэтому, чтобы лучше понимать созданную Менгером теорию ценности, благ и потребностей, разумно обратиться к Аристотелю[37]. И у Аристотеля, и у ведущих

того, влияние Аристотеля на Менгера проявляется в первую очередь там, где он не упоминается прямо.

[37] См.: Kraus, 1905; Kauder, 1953a, pp. 638ff. В «Исследованиях» Аристотель в этой связи не упоминается; однако на него есть ссылка в: Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранное. М.: Территория будущего, 2005. С. 67 сн. 4. (Менгер пишет, что «уже Аристотель различает действительные и воображаемые блага в зависимости от того, проистекает ли потребность из разумного убеждения или неразумного»), с. 149 сн. 32 (о соотношении «потребительной ценности» и «потребностей»), с. 201 сн. 61 (критика теории происхождения цен у Аристотеля). Что касается цитат о происхождении денег, то в «Исследованиях» Менгер отсылает читателя к «Основаниям».Ссылаясь на Крауса, который считал, что в работах Менгера и Бём-Баверка можно усмотреть влияние аристотелевской трактовки критериев предпочтительности благ в «Топика», III, (G), 2, 117*a* (Kraus, 1905, pp. 584ff.), Каудер (Kauder, 1965, p. 16) писал, что «даже менгеровскую теорию вменения, основанного на расчете убытков [*Verlustgedanke*], можно найти у Аристотеля»; см. у него в другом месте (с. 95):«Гедонизм, унитаристская этика и французский секуляризм не стали частью мировоззрения Менгера, которое, как и взгляды многих других австрийских интеллектуалов второй половины XIX в., продолжало находиться под влиянием Аристотеля. Шкала благополучия по Менгеру представляет собой приложение «Никомаховой этики» к экономической теории… По Аристотелю, хорошая жизнь есть итог и самодостаточная цель всех форм человеческой деятельно-

представителей австрийской школы (несмотря на то что отсылки к Аристотелю и у Мизеса, и у Хайека очень редки и носят несколько спорный характер) мы находим теорию рациональной деятельности, основанную на том, что человеческое знание конечно и его целью является достижение некоего «блага», информацию о котором невозможно передать. Источник этого блага не является ни физическим, ни метафизическим, ни космологическим; он относится к области человеческого знания.

Итак, в фокусе интересов Менгера находилась совокупность естественных законов, лежащих в основании удовлетворения человеческих потребностей, и на их развитии во времени по мере того, как сфера человеческих дел и потребностей расширяется. Из этого вытекает, что его отправная точка – это не рационалистическая проекция и не гедонистический подход, как у Джевонса, а *естественность потребно-*

сти. У Менгера хорошая жизнь трансформируется в экономическое благополучие. Аристотель начинает изложение своей этики с иерархии человеческих целей – и Менгер также выстраивает шкалу выгод и целей, связанных с благополучием. В опубликованных работах Менгера нет упоминаний о возможном конфликте между сферой удовольствия и сферой этики».По поводу критики Аристотелем платонического концепта «блага», понимаемого как нечто уникальное и абсолютное, см. «Никомахова этика», I, (A), 6, 1096*b*, 1097*a*. Несмотря на отсутствие цитат, вероятно, можно утверждать, что рассуждения Аристотеля о благе в «Никомаховой этике» (I, (A), 7, 1097*a*) и в «Эвдемовой этике» (I, (A), 8, 1218*b*) повлияли и на Менгера, и на других представителей австрийской школы. То, в какой степени их трактовку Аристотеля можно считать правомерной, это отдельный вопрос.

стей[38]. Поэтому-то речь и может идти о «точных естественных законах»: ведь Менгеру очевидно, что когда результаты субъективных актов выбора, сделанных теми, кто стремится удовлетворить свои (естественные) потребности, вступают в контакт с результатами бесконечного множества иных индивидуальных актов выбора, то итогом становится не сползание в *хаос*, а, напротив, «распределение» согласно определенному *порядку*, который является естественным для людей[39]. Таким образом, естественные законы обычно тождественны *родовой сущности* (*Wesen*) явлений[40]. Итак, Менгер

---

[38] О разнице между взглядами Менгера и Вальраса см.: Stigler, 1937, p. 230; Kauder, 1953b, pp. 571–572; Jaffé, 1976, pp. 511–524; White, 1977, p. 4; Gram and Walsh, 1978, pp. 46–56; Vaughn, 1978, p. 61.

[39] Проблема нежелательных последствий человеческих действий, направленных на достижение человеческих целей, является одной из центральных тем размышлений Хайека. В связи с этим он постоянно ссылается на Менгера. См.: Хайек Ф. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003. С. 55–64, 111–122 и сл.; Hayek 1967, прежде всего статью «The Results of Human Action but Not of Human Design», особенно с. 100 и сл. и прим., а также «Notes on the Evolution of Systems of Rules of Conduct», pp. 66–81; Hayek 1978, статья «The Errors of Constructivism», p. 3n.; Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. Гл. 1 «Разум и эволюция». С. 40; «Эпилог. Три источника человеческих ценностей» к: Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 475–498; Хайек Ф. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М.: Новости, 1988. С. 122, 178–180. Об этой стороне проблем, которыми занимался Хайек, см.: Radnitzky, 1984, pp. 9—34.

[40] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 301–302 сн. 4; а также письмо Менгера к Вальрасу в: Jaffe, 1965,

не задавался целью навязать человеческой реальности рациональный порядок. Скорее, он стремился найти ответ на вопрос, как человеческой деятельности, направленной на цели, находящиеся под влиянием факта конечности человеческого знания, удается создать порядок, а также проникнуть в сущность (*Wesen*) этого порядка.

На самом деле занимавшие Менгера философские вопросы были ближе к философии Аристотеля (хотя и не обязательно в изводе неоаристотелианцев и томистов, о которых в «Исследованиях» не упоминается), чем к естественно-правовой, кантианской и позитивистской философской проблематике[41].

II, letter 602, p. 3, в котором Менгер писал: «Итак, мы исследуем не только общие соотношения, но и СУЩНОСТИ хозяйственных явлений. Каким образом мы могли бы использовать для изучения сущностей (например сущности ценности, сущности земельной ренты, сущности предпринимательской прибыли разделения труда, биметаллизма и т. д.) математические пути? Математические методы – даже если они сами по себе обоснованы – просто не годились бы для решения упомянутой части народнохозяйственных проблем». Об этом см.: Hutchison, 1973, p. 17; Hutchison, 1981, p. 178; Kirzner, 1976a, p. 42.

[41] О философском и культурном контексте австрийской школы и, в частности, взглядов Менгера см., кроме Alter, 1990a, также: Grassl and Smith, 1986. В статьях этого сборника – в особенности Smith, 1986; Nyiri, 1986, pp. 102–138; Haller, 1986, pp. 196–209 – ставится вопрос о существовании отдельной австрийской философской традиции, в рамках которой формировались идеи и взгляды Менгера. Эта мысль действительно интересна, хотя не всегда ясно (см.: Smith, 1990b, pp. 212–238) в чем именно проявляется влияние этой традиции. Даже знаменитый «Katalog der Carl Menger-Bihliothek in der Handels-Universitat Tokio» (каталог библиотеки Карла Менгера из коллекции Токийского торгового университета), вероятно, не может служить доказательством особого внимания Менгера к «ав-

Наряду с «Исследованиями» наиболее значимыми рабо-

стрийской философии» (с другой стороны, известно, что в Университете Хитоцубаши хранится лишь часть библиотеки Менгера). Указатель авторов и работ, упомянутых в «Исследованиях», а также причины, по которым они были упомянуты Менгером (см.: Cubeddu, 1985) подтверждает это мнение (многочисленные опечатки, которыми изобилует указанная статья, не относятся к наличию или отсутствию конкретных авторов в списке). См. также: Alter, 1990a, pp. 23–77; Streissler, 1990a, pp. 31–68, 1990b; а также Silverman, 1990, pp. 69–92.Штрайслер и Сильверман оценивают воздействие немецкой экономической традиции на Менгера более позитивно. Однако следует четко сказать вот что. Во-первых, результаты сравнения книг Менгера, изданных в 1871 и в 1883 г., приводят к выводу, что в работе 1883 г. Менгер решил «рассчитаться» с этой традицией. Например, в «Исследованиях» (Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 459), проанализировав понятие *teoretischen Nationalökonomie und das Wesen ihrer Gesetze* (теоретической науки о народном хозяйстве) у Румелина, Рау, Рошера, Г. Фон Мангольдта, Гильдебранда, Книса, Й. Каутца, Й-К. Глазера, К. Умпфенбаха, Шеффле, А. Вагнера, М. Вирта, Г. Шёнберга,Ф.-Й. Неймана, Г. фон Шееля и Г. Кона, Менгер пришел к следующему выводу: «Все эти определения нашей науки отражают вполне отчетливо состояние научно-теоретических исследований в области политической экономии в Германии. Мы узнаем из них – без всякой надобности – особенные воззрения отдельных авторов на сущность хозяйства, народного хозяйства, даже общества; однако ни один беспристрастный исследователь не станет же отрицать того, что эти воззрения, оставляя в стороне вопрос об их правильности, совершенно не удовлетворяют формальным требованиям основательной дефиниции науки».Во-вторых, в «Исследованиях» нет ссылок на тех авторов, на которых Штрайслер и Сильверман указывают как на примеры такого влияния, т. е. на Й. Г. Г. фон Юсти, К.-А. фон Мартини, П. Мишлера, Й.-Г. фон Тюнена и прежде всего – Й. Кудлера и Й. фон Зонненфельса, в то время как там есть отсылки к К.-Г. Рау (с. 426 сн., 437 сн., 439 сн., 458, 462), Г. Гуфеланду (с. 462), Ф. Б. В. Герману (с. 464).В-третьих, в том, что касается влияния немецкой экономической традиции, различия между работами Менгера 1871 и 1883 гг. отличаются большой сложностью и ярко выражены. Кроме того, интерпретацию Штрайслера и Сильвермана характеризует почти тотальное пренебрежение к тому, что в «Исследованиях» реальной «немец-

тами, необходимыми для понимания философских и мето-

кой» точкой опоры для Менгера был Савиньи с исторической школой права. Наконец, несмотря на тот факт, что по мере изложения своих взглядов на экономическую науку Менгер до некоторой степени сосредоточился на немецкой исторической традиции, мы не должны забывать о том, что в «Исследованиях» он критически пересмотрел эту традицию. (Если среди авторов, на которых Менгер действительно ссылается, нет тех, кому Штрайслер и Сильверман приписывают определяющее влияние на него, это не означает, что его критика не относится также и к ним.) Кроме того, Менгер создал ряд новых исследовательских возможностей, ведущих в разнообразных и противоположных направлениях; имеются в виду экономическая теория, социальная философия и философия социальных наук.В предисловии к «Исследованиям» (с. 295 русск. изд.) Менгер констатировал: «Национально-экономическая теория, как ее установила в главных частях так называемая классическая школа английских экономистов, не в состоянии была удовлетворительно разрешить проблему науки о законах народного хозяйства, однако авторитет их учения тяготеет над всеми нами и препятствует дальнейшему прогрессу на том же пути, на котором дух исследования в течение столетий еще задолго до А. Смита пытался разрешить великую проблему основания теоретических социальных наук». В то же время «стремление устранить неудовлетворительное состояние политической экономии путем открытия новых путей исследования привело в Германии к ряду отчасти ошибочных, отчасти односторонних пониманий сущности нашей науки и ее задач, к пониманиям, которые отделили немецкую нац. экономию от литературного движения всех остальных народов; их стремления, ввиду своей односторонности, в некоторых случаях казались негерманским экономистам просто-таки непонятными». «Полемический характер настоящего сочинения», таким образом, «отнюдь не вытекает из недоброжелательства к заслуженным представителям нашей науки, а объясняется скорее свойством задач, которые я себе поставил; он необходимо вытекает из моего воззрения на современное состояние политической экономии в Германии. Мною руководила мысль вернуть исследование в области политической экономии в Германии к ее настоящим задачам, освободить его от односторонностей, гибельных для развития нашей науки, вывести ее из ее изолированного состояния от всеобщего литературного движения и таким образом подготовить на немецкой почве реформу политической экономии, в которой так настоятель-

дологических оснований австрийской школы, а также различий между ее представителями[42], являются сборник статей Мизеса «Эпистемологические проблемы экономической науки» («Grundprobleme der Nationalökonomie») 1933 г.[43] и работа Хайека «Сциентизм и изучение общества», опубликованная между 1942 и 1944 гг.[44]

В этих произведениях Мизес и Хайек подтверждают наличие преемственности между своей методологией и методологией Менгера (хотя их мнения о сравнительной значи-

---

но нуждается эта наука по своему неудовлетворительному состоянию» (там же, с. 297). Более резонные соображения на этот счет, чем у Штрайслера и Сильвермана, можно найти у Милфорда.

[42] Об этом же, но с акцентом на экономическую проблематику, см.: Egger, 1978, pp. 19–39; Mongin, 1988, p. 6.

[43] В предисловии к сборнику «Эпистемологические проблемы экономической науки» (1933, pp. vi) (Engl. trans, pp. xvii – xviii) Мизес писал: «Порочность эмпирической логики повредила Карлу Менгеру еще больше, чем английским мыслителям. Его блестящий труд „Исследования“… сегодня представляется даже менее удовлетворительным, чем, скажем, книга Кэрнса о методологии. Вероятно, это объясняется тем, что Менгер был настроен более радикально, а также тем, что он был способен осознать трудности, которых не замечали его предшественники, так как работал спустя несколько десятилетий после них».

[44] См.: Хайек Ф. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003. С. 58–59 сн. 4, где, разъясняя фундаментальные принципы «индивидуалистического» и «композитивного» метода социальных наук, Хайек писал: «Термин „композитивный“ я позаимствовал у Карла Менгера, который, делая заметки на полях рецензии Шмоллера, посвященной менгеровским „Исследованиям о методах социальных наук“ (Jahrbuch für Gessetzeheng etc. 1883. N. F. Bd. 7. S. 42), написал это слово над словом „дедуктивный“, употребленным Шмоллером».

мости разных ее аспектов различаются, и порой весьма существенно). Напротив, в трактовке и в самой постановке вопроса о познаваемости внешнего мира проявляется чуждое Менгеру влияние Канта.

Проблема, к которой мы переходим, лишь отчасти связана с реконструкцией генезиса и оснований философии теоретических социальных наук, разделявшихся представителями австрийской школы. Гораздо интереснее проанализировать различия во взглядах этих трех мыслителей. Разумеется, и Менгер, и Мизес, и Хайек полагали, что источником *порядка* является совокупность индивидуальных действий, которые складываются в более сложные социальные явления. Однако, если, по мнению Менгера, это «сочетание» возникло *генетически*, согласно определенной «регулярности в последовательности явлений»[45], источником которой является естественность удовлетворения потребностей, то для Мизеса и Хайека удовлетворение потребностей было не столько «естественным», сколько «субъективным».

Объяснить это различие можно, сравнив общую теорию благ и потребностей Менгера с теориями Мизеса и Хайека.

Для Менгера задача экономической науки состояла в том, чтобы попытаться «распределить блага по внутренним основаниям, узнать, какое место занимает каждое из них в при-

---

[45] Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 356.

чинном соотношении благ, и, наконец, исследовать законы, которым блага в этом отношении подчиняются». Соответственно, он распределяет блага на *три порядка*, полагая, что «люди ощущают прежде всего и непосредственно потребность в благах первого порядка, т. е. в таких благах, которые могут быть непосредственно применены к удовлетворению человеческих потребностей»[46].

В то же время Мизес писал в «Человеческой деятельности» о трансформации, которой экономическая наука обязана субъективистам и общей теории выбора и предпочтения, таким образом: «Любое решение человека есть выбор. Осуществляя его, человек выбирает не только между материальными предметами и услугами. Выбор затрагивает все человеческие ценности. Все цели и средства, материальное и идеальное, высокое и низкое, благородное и подлое выстраиваются в один ряд и подчиняются решению, в результате которого одна вещь выбирается, а другая отвергается».

---

[46] Соответственно, «обыденный опыт показывает, что для людей вообще наибольшее значение имеют те удовлетворения потребностей, от которых зависит сохранение их жизни, и что мера значения остальных удовлетворений потребностей сообразуется для них со степенью (продолжительностью и интенсивностью) благополучия, находящегося в зависимости от этих удовлетворений. Поэтому если хозяйствующие лица должны сделать выбор между удовлетворением потребности, от которого зависит сохранение их жизни, и другим, от которого зависит лишь их большее или меньшее благополучие, то они обыкновенно отдают предпочтение первому удовлетворению». См.: Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранное. М.: Территория будущего, 2005. С. 70, 91, 134.

Далее он отмечал, что «инстинкт выживания, сохранения собственной жизни… присутствует в каждом живом существе. Но для человека подчинение этому инстинкту не является неизбежной необходимостью…во власти человека овладеть даже этими инстинктами… Жизнь для человека – результат выбора, ценностного суждения»[47].

Точка зрения Хайека, выраженная в работе «Сциентизм и изучение общества», состоит в том, «что на протяжении последних ста лет каждое серьезное открытие в экономической теории было шагом вперед в последовательном приложении субъективизма». Признав заслуги Мизеса, который был наиболее последователен в этом отношении, он связывает методологический индивидуализм с «субъективизмом социальных наук»[48].

Таким образом, различие состоит в том, что для Менгера способность понимать и анализировать человеческую деятельность была основана на существовании некоего *естественного* компонента в последовательности явлений – точных законов природы, общих и для конкретных явлений ре-

---

[47] Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 7, 22. О том, что можно назвать «релятивизмом» Мизеса, см. также: Mises, 1961, pp. 117–134. (См.: Мизес Л. фон. Эпистемологический релятивизм в науках о человеческой деятельности // Мизес Л. фон. Философские основания экономической науки. Челябинск: Социум, 2009.)

[48] Хайек Ф. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003. С. 44–49 сн.

ального мира[49], и для мыслительных процессов людей – в то время, как Мизес и Хайек придерживались мнения, что структура человеческого разума сама по себе обеспечивает возможность классификации, описания и объяснения индивидуальных действий и социальных явлений.

Источник расхождений между Менгером и Мизесом – разница в их взглядах на связь между законами, распространяющимися на явления мира природы и сферы социального, с одной стороны, и ментальными процессами – с другой. Менгер, подобно Аристотелю, полагал, что эта связь носит естественный характер, в то время как Мизес считал, что «рассудок и опыт демонстрируют нам две обособленные реальности: внешний мир физических… явлений и внутренний мир мыслей, чувств, оценок и целеустремленных действий. И никакие мостики… не соединяют эти два мира»[50].

Если сначала прочитать «Исследования», а потом перейти к работам Мизеса, то ясно видно, что и общий подход Мизеса к теоретическим проблемам, и его терминология не обнаруживают влияния Менгера, а, скорее, несут на себе печать неокантианской философии. Само по себе то, что Мизес предлагал наделить науки о человеческой деятельности тем же самым логическим характером и универсальностью,

---

[49] Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 356–358.

[50] Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 21.

которые присущи номотетическим наукам, резко отличает его от Менгера. Поэтому бессмысленно обращаться к Менгеру в поисках фундамента праксеологии Мизеса, не говоря уже о том, что Мизес неверно понимает методологию Менгера[51].

В «Человеческой деятельности» Мизес настаивает на априорном характере науки о человеческой деятельности: «Праксеология теоретическая и систематическая, а не историческая наука… Она нацелена на знание, действительное для всех случаев, условия которых точно соответствуют ее допущениям и выводам. Ее утверждения и теоремы не выводятся из опыта. Так же как в логике и математике, они априорны. Эти утверждения не подлежат верификации или фальсификации на основе опыта и фактов. Они логически и по времени предшествуют любому пониманию исторических фактов. Они составляют необходимое условие любого мысленного понимания исторических событий. Без них мы не сможем увидеть в ходе событий ничего, кроме калейдоскопического мелькания и хаотической неразберихи»[52].

Отправным пунктом для праксеологии, таким образом,

---

[51] См., например, Mises, 1933, pp. vi, 67n., 68 (Мизес Л. фон. Эпистемологические проблемы экономической науки. Челябинск: Социум, 2009). Пример попытки примирить менгерианскую методологию с априоризмом Мизеса см.: Smith, 1990c, pp. 1–5.

[52] Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 33–34.

является «размышление о сущности деятельности»[53], основанное на «существенных и необходимых свойствах логической структуры человеческого разума». Иными словами, ее фундамент – это «логический априоризм», предпосылкой для которого является «набор инструментов для мысленного схватывания реальности», которые «логически предшествуют любому конкретному действию»[54]. Возможность существования *праксеологии* обеспечивается априорной структурой разума. В этом контексте «действие [есть] проявление человеческой воли»[55], но одновременно и «суть его [человека] природы и существования». «Человеческая деятельность всегда необходимо рациональна» в той мере, в какой она представляет собой «удовлетворение желаний действующего человека». Поэтому было бы невозможно и бессмысленно проводить различие между «естественными» и «рациональными» потребностями, с одной стороны, и «искусственными» и «иррациональными» потребностями – с другой. По Мизесу, «жизнь для человека – результат выбора, ценностного суждения»[56], и наука не имеет права судить результаты личного выбора.

В соответствии с этим категории *средств* и *целей, причины* и *следствия* получили у Мизеса ранг предпосылок, необ-

---

[53] Там же. С. 41.

[54] Там же. С. 36.

[55] Там же. С. 16.

[56] Там же. С. 22.

ходимых для понимания человеческой деятельности, которая происходит в мире, управляемом причинностью: «В мире, где отсутствуют причинность и упорядоченность явлений, нет места для человеческих рассуждений и человеческой деятельности. Сложно даже вообразить себе условия существования такого хаотичного универсума, где человек был бы не в состоянии найти какое-либо руководство или ориентиры».

Под «руководством» Мизес имел в виду не подчинение естественному порядку космоса и не «поиски конечной причины бытия и существования», а просто выявление причинно-следственных связей, которое необходимо для того, чтобы обнаружить ту точку, «где нужно вмешаться или где можно вмешаться, чтобы достичь той или иной цели». Таким образом, для него внешний мир не обладал собственным онтологическим достоинством, и в его причинно-следственные связи следовало вмешиваться, чтобы достигать субъективных целей[57].

В концепции Мизеса исчезла связь между интересом индивида и естественным характером явлений (и деятельности), составлявшая характерную черту идей Менгера. Ее заменил *субъективизм*, стремящийся открыть универсальные и априорные законы, регулирующие деятельность и позволяющие достичь индивидуальных целей. Таким образом, предположение о познаваемости мира перестало быть естествен-

---

[57] Там же. С. 25.

ной структурой, общей для внешнего мира и человеческого разума. «Точные естественные законы» были заменены априорными законами, логическими утверждениями, характеризующимися общезначимостью [universal validity].

Еще одно различие между взглядами Мизеса и Менгера на природу общества было связано с различиями их *теорий благ и потребностей*. В то время как первые главы «Основ» ясно показывают, что, по Менгеру, благам и потребностям требуется «естественное» основание, у Мизеса они не только рассматриваются как «субъективные» элементы, но и сама функция экономической науки приобретает совершенно иной вид.

Проиллюстрируем на коротких примерах различие в их позициях и расстояние между ними.

В первом издании «Оснований» Менгер писал, что «потребности вытекают из влечений, последние же коренятся в нашей природе;…а удовлетворять потребности значит жить и преуспевать»[58]. Несмотря на то что в издании 1923 г. Менгер отвел более заметное место элементам культурного порядка[59], разница между его позицией и позицией Мизеса оставалась существенной. В этой более поздней версии Менгер писал, что «качество блага часто зависит от знания, и в

---

[58] Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранное. М.: Территория будущего, 2005. С. 88. О концепции причинности у Менгера см. с. 65.

[59] См.: Menger, 1923, pp. 3–4.

силу этого ошибки и невежество могут оказывать влияние на наши отношения с вещами. Чем выше уровень культуры народа и чем глубже люди проникают в действительную сущность вещей и своей собственной природы, тем больше число реальных благ и тем меньше становится, как оно и понятно, число воображаемых благ»[60].

У Мизеса отсутствуют постоянные ссылки на «природу человека», столь характерные для рассуждений Менгера. Для Мизеса «блага, товары, богатство и все остальные понятия поведения не являются элементами природы; они элементы человеческих намерений и поведения»[61]. Несмотря на то что Мизес сохранил менгеровскую классификацию благ с ее различением «благ первого порядка» и «отдаленных благ, или благ высших порядков», а также «реальных нужд человека и [его] мнимых и ложных аппетитов», он полагал, что «для науки, изучающей реальность человеческой деятельности, такие оценки неуместны. Для праксеологии и экономической науки имеет значение то, что человек делает, а не то, что ему следует делать»[62]. Подчеркивая субъектив-

---

[60] Ibid., pp. 16–17. О различении «реальных» и «воображаемых потребностей» у Менгера см.: Mises, 1933, pp. 161ff. (Мизес Л. фон. Эпистемологические проблемы экономической науки. Челябинск: Социум, 2009.)

[61] Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 89.

[62] Там же. С. 93. О соотношении субъективизма, праксеологии и экономической теории у Мизеса см.: Boehm, 1982; Buchanan, 1982a; Lachmann, 1982; Vaughn, 1982; Butler, 1988, pp. 137–149.

ный характер оценки благ, Мизес заходит настолько далеко, что отвергает традиционно приписываемую экономической науке функцию: то, что эта наука должна указывать на наилучший способ удовлетворения потребностей действующего субъекта, обучая его тому, как отличать «реальные» потребности от «воображаемых».

В начале 1940-х годов позиция Хайека отличалась и от позиции Менгера, и от позиции Мизеса[63], хотя он, вероятно, в большей степени следовал за Менгером, чем Мизес. Несмотря на то что Хайек отдавал должное «субъективизму» Мизеса, открывшего новые перспективы для экономических и социальных исследований, его собственная версия субъективизма применительно к методологии теоретических социальных наук не была настолько радикальной. Уже в работе «Сциентизм и изучение общества» Хайек продемонстриро-

---

[63] Например, с точки зрения Хайека – с учетом того, что «структура человеческого ума, общий для всех людей принцип классификации внешних событий, позволяет нам обнаружить повторяющиеся элементы, из которых строятся различные социальные структуры и в терминах которых только и можно описать и объяснить последние»: Хайек Ф. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003. С. 53 – предметом социальной науки является не столько вопрос о том, согласуются ли представления людей о мире (на основании которых они начинают действовать) с реальностью, сколько тот способ, которым эти представления формируют новые реальности. В то же время, по мнению Менгера, «точная наука» должна стремиться к строгому познанию «типов (эмпирических форм) и эмпирических соотношений (законов) явлений»; см.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 315. Об этом также см.: Nadeau, 1987; Shearmur, 1990b, pp. 189–212.

вал ясное понимание того, что «наши представления и даже ощущения» не являются предметом теоретической социальной науки. Таким предметом была «новая организация» соотношения между индивидуальным опытом и внешним миром, которая должна была возникнуть после того, как наука перемоделирует субъективные ощущения и с помощью абстрагирования создаст новую классификацию явлений согласно теоретическим критериям[64].

Предвосхищая темы, которые он позже станет развивать в «Sensory Order»[65], Хайек выдвинул идею о том, что восприятие внешнего мира происходит «через ощущения и представления, организованные в ментальную структуру, общую для них всех». Задача науки, следовательно, состоит в том, чтобы постоянно пересматривать «имеющуюся у человека картину внешнего мира»[66]. Теоретическая наука больше не должна была заниматься связями между вещами; она должна была посвятить себя изучению того, каким образом восприятие внешнего мира и знания о нем оказывают решающее воздействие на индивидуальную и коллективную деятельность, а также на стихийные последствия этой деятельности. Итак,

---

[64] Хайек Ф. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003. С. 40. О методологии социальных наук у Хайека см.: Barry, 1979, pp. 16–41, на с. 41; Butler, 1983, pp. 132–150; Gray, 1984a, pp. 1—26; Paqué, 1990, pp. 281—94.

[65] См.: Hayek, 1952b. Об этой книге см.: Gray, 1984a, pp. 8ff.

[66] Хайек Ф. фон. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003. С. 41.

ее должны были занимать не столько вещи *как таковые*, сколько способы, с помощью которых «вещи», приобретая конкретную конфигурацию в сознании действующих субъектов, влияют на их деятельность[67].

Хотя Хайек не отрицал существования «естественных законов», более или менее аналогичных законам естественных наук, он не был склонен концентрироваться на вопросе о том, могут ли они быть объективно истинными, а сосредоточился на попытке понять, как их осознает действующий субъект и какие последствия из этого вытекают[68]. Итак, предпосылкой для понимания человеческой деятельности было не существование *естественно-генетического порядка* последовательности явлений, как у Менгера, а тот способ, каким этот порядок осознается действующими субъектами. Соответственно, выделение элементов человеческих отношений было основано на том, что они известны нам в силу «нашего знания того, как работает наш собственный ум»[69].

---

[67] Там же. С. 42–44.

[68] Там же. С. 46–48.

[69] Там же. С. 52–54. Мнение, что на Хайека оказала решающее воздействие философия Канта, высказанное Греем (Gray, 1984a, pp. 4–8), хотя и любопытно, связано с недооценкой влияния «Исследований» Менгера, несмотря на то, что это влияние ясно выражено и присутствует во всех работах Хайека, начиная с самых ранних, включая и обсуждаемую книгу. О влиянии Канта на философию права Хайека и его политическую философию см. также: Kukathas, 1989. Вопрос о влияниях, безусловно, является второстепенным по сравнению с оригинальными идеями Хайека; то новое, что он внес в социальные науки, связано с теорией субъективной ценности, а не с кантианством. Таким образом, цель сравнения

Таким образом, познание внешнего мира обеспечивалось не однородной последовательностью явлений, а просто тем, что явления становятся доступны пониманию посредством концептуальных усилий человеческого ума.

Различие философских подходов, высветившееся в результате анализа теорий познания, лежащих в основании трудов Менгера, Мизеса и Хайека, разумеется, имеет важные последствия для их политической философии. Однако то, что у них имеется единое мнение о предмете теоретической социальной науки, в центре которого находится идея о том, что социальные институты представляют собой результат, часто непреднамеренный, тех действий, посредством которых пытаются решить свои проблемы отдельные люди, является смягчающим обстоятельством.

состоит не в том, чтобы указать на общее сходство, а в том, чтобы попытаться понять связь хайековского «субъективизма» с кантианским «субъективизмом» и, следовательно, проанализировать причины, лежащие за различием их представлений о порядке.

§ 2. Спор о методах (methodenstreit) и его наследство

Спор между исторической школой немецких экономистов и австрийской школой вошел в историю социальных наук как методологический спор. Однако на деле это был не столько конфликт методологий (хотя они, безусловно, глубоко различны), сколько столкновение двух разных философских, экономических и политических подходов, что гораздо более существенно. С точки зрения австрийцев, дискуссия затронула пять основных тем: 1) природа и происхождение социальных институтов; 2) метод, которым следует их изучать; 3) природа и задачи экономической науки; 4) политические выводы из научных исследований и 5) роль исторической школы экономики в немецкой политике.

Сегодня та методологическая проблема, которую Менгер описывал как противопоставление *эмпирического* и *теоретического* направлений, в значительной степени утратила актуальность[70]. С эпистемологической точки зрения дискус-

---

[70] Даже Жид и Рист уже в 1909 г. писали по поводу «спора о методах»: «В наши дни начатое исторической школой противопоставление индуктивного и дедуктивного методов, к счастью, не представляет больше никакого интереса» (цит. по: Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. М.: Экономика, 1995. С. 313). Об эпистемологических проблемах, стоящих за «спором о методах», см.: Milford, 1988b.

сия свелась к тому, можно ли применять в области социальных наук позитивистские методы сомнительной теоретической ценности, направленные на установление общезначимых законов путем индукции. Даже сам Менгер после книги «Die Irrthümer des Historismus» и статьи «Grundzüge einer Klassifikation der Wirtschaftswissenschaften» счел тему в этом отношении исчерпанной и больше к ней не возвращался. Интерес, который вызвала эта дискуссия у современников, очевидно, был связан с высоким авторитетом, которым на тот момент пользовался индуктивный метод, что привело к недооценке значения ее философских и политических аспектов.

Все значение этого спора для теоретических социальных наук стало очевидно только после появления работы Мизеса «Эпистемологические проблемы экономической науки» («Die Grundprobleme der Nationalökonomie»). Начав с того, что он назвал «прозрениями» Менгера, Мизес проанализировал значение теории *субъективной ценности* для всей концептуальной структуры социальных наук, в особенности для теории человеческой деятельности.

В «Исследованиях», как и несколько ранее в «Основаниях», Менгер изложил предпосылки для новой концептуальной структуры социальных наук. Однако это либо осталось незамеченным, либо неправильно понималось, либо интерпретировалось так, как если бы эта «революция» произошла исключительно в сфере экономической науки. Вслед-

ствие этого дискуссия сосредоточилась на вопросе об «историчности» (в противовес «теоретичности») метода социальных наук, что соответствовало тогдашней проблематике и тогдашнему уровню концептуальных представлений. Сам Менгер, настроенный глубоко пессимистично, после 1889 г. больше не высказывался о методологических вопросах (он работал над эскизом новой «философской антропологии», но от этого замысла до нас дошло лишь несколько разрозненных заметок)[71]. Визер и Бём-Баверк, воодушевленные успехом «теории предельной полезности» в экономической науке, пренебрегали политическим и философским значением этой теории и считали, что, строго говоря, спор о методах, или *Methodenstreit*, был пустой тратой времени[72]. Кроме того, Визер подходил к методологической проблематике с чуждой Менгеру психологической и эмпирической точки зрения[73],

---

[71] Согласно Каудеру (Kauder, 1965, pp. 88–89, 120–121), Менгер начал работать над планом антропологического обоснования своей системы только после 1900 г.; для этого он изучал труды В. Вундта, Ф. Брентано, К. фон Эренфельса, О. Крауса. См. реконструкцию отношений Менгера и господствующей тенденции австрийской мысли в: Smith, 1986 и Smith, 1990a. См. также: Leser, 1986b, pp. 29–57; Diamond, 1988, pp. 157–172.

[72] См.: Hayek, 1926, pp. 560–561. Бём-Баверк в 1890 г. писал: «По самой своей сути тот абстрактно-дедуктивный метод, который в немецкоязычной научной литературе представлен К. Менгером, Саксом, мной и другими – это настоящий эмпирический метод» (Böhm-Bawerk, 1890, p. 263).

[73] На страницах, посвященных методологическим проблемам в Wieser, 1914, различие в позициях Визера и Менгера четко ощущается. О Визере см.: Menzel, 1927, pp. 4—12; Morgenstern, 1927, pp. 669–674; Johnston, 1972, pp. 81–82 (раздел носит название «Фридрих фон Визер как сторонник смешанной экономи-

и это, безусловно, не способствовало прояснению вклада австрийской школы в социальные науки.

Таким образом, триумфу маржиналистской революции в сфере экономической науки не сопутствовал аналогичный успех в сфере социальных наук. Ведь в том, что представители исторической школы немецких экономистов обвиняли Менгера в «атомизме», проявлялась не только их неспособность увидеть в его идеях разрыв с традицией классической экономической науки, но и их неспособность понять значение теории субъективной ценности для концептуальной модели всего корпуса социальных наук. К этому добавлялся их последовательный отказ признавать ее ценность для экономической науки, которую они упорно продолжали считать исторической наукой.

ки»); Mises, 1978, pp. 35ff; Streissler, 1986, pp. 59–82; Ekelund and Thornton, 1987, pp. 1—12. О методологии Визера см.: Kauder, 1965, pp. 120–123; суть вопроса точно схвачена в следующих словах Каудера: «В основном Визера занимала интроспекция. К сожалению, Визер отождествлял интроспекцию и психологию, что породило совершенно ненужную путаницу». (О политических идеях Визера см.: Kauder, 1957, p. 421.) С другой стороны, см.: Mitchell, 1969, pp. 345–374; Ekelund, 1970, pp. 179–196; Alter, 1990a, pp. 222ff. Об участии Визера и Бём-Баверка в «споре о методах» см.: White, 1977, p. 7; о «психологическом» методе Визера см. с. 12. О влиянии на Визера Дильтея и Зиммеля см.: Kauder, 1957, pp. 415–416.Об отношениях Мизеса и Визера см. Mises, 1933, pp. 20–21 (Мизес Л. фон. Эпистемологические проблемы экономической науки. Челябинск: Социум, 2009); по мнению Мизеса, Визер «не смог освободиться от влияния психологической эпистемологии Милля, у которого эмпирический характер приписывался даже законам мышления»; Mises, 1978, pp. 35–36: «Он так никогда и не понял сути идеи субъективизма в австрийской школе, и это послужило источником его досадных ошибок».

Итак, значение «спора о методах» состоит в демонстрации того, как теория субъективной ценности изменила не только концептуальную и методологическую структуру теоретических социальных наук, но и сам способ толкования истории и политики. Поэтому аргументы австрийцев, направленные против их оппонентов, которые попытались сформулировать практические нормы индивидуального политического действия на основании якобы открытых ими законов и смысла истории, по-прежнему представляют значительный локальный интерес. Это связано с интересом австрийцев к проблеме надежности и эффективности практических норм, выведенных из ложных общих законов, – к одной из центральных проблем не только экономической науки, но и политической философии.

Действительно, если признать, что теория австрийского маржинализма, объясняющая происхождение потребностей и их удовлетворение, имеет последствия для других социальных наук, то это означает, что всю концептуальную структуру политической философии нужно строить заново. Эта структура будет в первую очередь связана уже не с этикой и правом, а с экономической теорией, понимаемой не столько в качестве средства удовлетворения потребностей или инструмента этатистской власти, сколько в качестве действенного способа понимания *человеческой деятельности*. В этом смысле экономическая теория является результатом понимания того, что человеческая деятельность основана на про-

блеме *редкости* [благ относительно потребностей].

В 1889 г. в контексте своего спора со Шмоллером[74] Менгер вернулся к теме систематической конфигурации экономической науки в статье «Grundzüge einer Klassifikation der Wirtschaftswissenschaften». В ней он различает 1) исторические экономические науки, экономическую статистику и экономическую историю; 2) морфологию экономических явлений; 3) экономическую теорию и 4) практическую, или прикладную, экономическую науку[75]. В этой работе Менгер не только еще раз сформулировал свою позицию, но и отметил, что ошибка исторической школы немецких экономистов состоит в том, что они устанавливают связь между «экономической теорией» и «прикладной экономической наукой». По его мнению, прикладные дисциплины не могут предложить «рецептов» поведения «в каждом конкретном случае»; они в состоянии лишь показать, «как сформулиро-

---

[74] «Спор о методах» начался с выхода работы Шмоллера: Schmoller, 1883. В своей рецензии одновременно на «Исследования» Менгера и «Введение в науки о духе» («Die Einleitung in die Geisteswissenschaften») Дильтея Шмоллер – см. с. 239 и сл. – ответил на критические возражения Менгера в его адрес. Шмоллер подчеркнул, что будущее экономической науки связано с ее способностью использовать исторический и статистический материал, а не с ее способностью к формальной разработке. Отождествив методологию Менгера с натуралистической логикой Милля, он продемонстрировал не только полное непонимание текста Менгера, но и (и это гораздо серьезнее) неспособность осознать разницу между точной экономической теорией и классической экономической теорией. Об этом см.: Faucci, 1988, pp. 141–164.

[75] См.: Menger, 1889, pp. 199–200.

ванные в общем виде человеческие цели какого-то конкретного типа могут быть наиболее успешно достигнуты в свете различных обстоятельств»[76]. Они были не просто «науками в строгом смысле слова», но и «научными исследованиями», т. е. попытками предложить рациональные решения рациональных проблем[77]. При этом Менгер полагал, что «практическая экономическая наука» должна черпать вдохновение из свободной от ошибок «экономической теории». Любая политика, основанная на ошибочном представлении о жизни, обречена на провал, даже если ее идеологи руководствуются благими намерениями[78].

Итак, общие черты австрийской критики исторической школы связаны с убеждением австрийцев, что их оппоненты (например Маркс и его последователи) не понимали экономическую науку. Именно этим объяснялись постоянные попытки оппонентов создать «новую» экономическую науку, основанные на неверном понимании ее предмета, а также на попытках объединить историю, этику и экономическую теорию – три научные дисциплины, которые следует строго разделять. Их план преобразования экономической науки не

---

[76] Ibid., p. 202.

[77] Ibid., pp. 205, 209. О проблеме классификации наук и, в частности, о соотношении «чистой науки» и «практических искусств» см.: Keynes, 1891, pp. 31ff, 142ff. Однако главными авторитетами в этой области для Кейнса были Л. Косса и Дж.-К. Льюис, а не Менгер, хотя он и ссылался на Менгера в других разделах этой книги.

[78] См.: Menger, 1889b, pp. 208–218.

мог привести к успеху, так как они не понимали ни всего значения ее развития, ни того, что она представляет собой всеобщую теоретическую науку. Не случайно то, что у их проекта были не научные, а политические мотивы, а именно желание создать новую экономическую науку, которая предложила бы альтернативу либерально-индивидуалистической модели в виде коллективистской и органицистской модели, воспринимавшейся как идеальный немецко-культурный тип.

Однако если в «Основаниях» Менгер часто обращался к идеям Гильдебранда, Книса и Рошера[79], пусть и оценивал их критически, то на момент написания «Исследований» ситуация резко изменилась. В этой книге критическая позиция Менгера выражена значительно резче; она приобрела вид жесткого противостояния позиции этих исследователей относительно предмета и структуры экономической науки. Протестуя против правомерности сравнения метода Рошера и метода Савиньи – Эйхгорна, на чем настаивал сам Рошер, Менгер воспользовался возможностью подробно изложить критические замечания в адрес Рошера, которые можно отнести к исторической школе в целом: «Неясное понимание сущности политической экономии и ее частей, отсутствие всякого более строгого различения исторической, теорети-

[79] О чьих работах о происхождении денег он отзывается с уважением см.: Менгер К. Основания политической экономии // Менгер К. Избранное. М.: Территория будущего, 2005. С. 257, 264, 268, 274–275. См. также в более поздних работах: Menger, 1892, pp. 16–17 особенно. Об эволюционистской теории денег у Менгера см. O'Driscoll, 1986, pp. 601–616.

ческой и практической точек зрения исследования в области народного хозяйства, смешение отдельных направлений теоретического исследования, и философии истории хозяйства в частности, с теоретическим учением о народном хозяйстве и даже с политической экономией вообще, неясное понимание сущности точного направления теоретического исследования и его отношения к эмпирико-реалистическому направлению теоретического исследования, воззрение, будто историко-философское направление есть единственно правильное в политической экономии и аналогично исторической юриспруденции, непонимание истинной сущности исторической точки зрения в нашей науке и в теоретической части ее в особенности, преувеличенное значение, приписываемое так называемому историческому методу, неясное понимание сущности органического взгляда на народное хозяйство и вытекающих отсюда проблем социального исследования»[80].

Перечисленные Менгером «методологические ошибки» действительно оказали фатальное воздействие на развитие экономической теории в Германии[81] и были вызваны чрезмерным доверием к индуктивному методу. Эти ошибки, а также неверное представление о социальных институтах как

---

[80] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 445.

[81] Там же. С. 446.

о биологических организмах, с точки зрения Менгера, были присущи и основателю исторической школы немецких экономистов Рошеру и его последователям.

Отдавая должное Гильдебранду за то, что он отделял теоретическую экономическую науку от «практической экономики народного хозяйства», Менгер критиковал его за отрицание наличия «в экономике „естественных законов“». Он также порицал мнение Гильдебранда о том, что суть исторического метода сводится к изучению социальных явлений с коллективистской точки зрения и к открытию «экономических законов развития народов»[82]. Он был не согласен с тем, как Гильдебранд представлял себе задачу науки национальной экономии[83], и отмежевывался от мнения о том, что в экономической теории существует «этическое направление». Ведь согласие с тем, что задачи экономической теории можно связать с задачами этики, привело бы к размыванию границ между двумя законными, но отличными друг от друга типами исследования. Поэтому Менгер не ограничился тем, что отбросил идею «этического направления точной экономической науки»; он придерживался мнения, что такому направлению нет места даже среди *практических* экономических наук. Ведь если отвлечься от банального соображения о том, что экономическая деятельность подчинена моральным нормам, точно так же, как она подчинена юриди-

---

[82] Там же. С. 448.

[83] Там же. С. 458.

ческим установлениям и обычаям, то эта идея обретает вид требования подчинить экономическую науку моральным соображениям в рамках «морального учения об экономике». Соответственно, «*этическое направление экономики* представляется идеей не более основательной, нежели, например, мысль об экономическом направлении этики». Согласие с этой идеей означало бы отрицание «природы и настоящих задач теоретических и практических наук о народном хозяйстве» и недооценку «хозяйственной стороны народной жизни по сравнению с другими, слишком высоко оцениваемыми»[84].

Критика Менгером Книса в основном была связана с разделением экономической науки на три группы наук[85]; с независимостью «экономического элемента» по отношению ко «всей совокупности жизни государства и народа»[86]; с попыткой вывести невозможность «экономических законов» из демонстрации ложности догмы личной заинтересованности[87] и с представлением об экономических теориях как о результате исторического развития и, следовательно, об относительности их статуса на разных этапах исторической эволюции[88]. Менгер не отрицал того, что Книс дал импульс экономиче-

---

[84] Там же. С. 495.

[85] Там же. С. 303.

[86] Там же. С. 338.

[87] Там же. С. 346–347.

[88] Там же. С. 375–376.

ской науке, однако упрекал его за то, что тот не сформулировал четко свою позицию по вопросу «природы и задач исторического направления экономической науки и ее подразделений», за отрицание автономии точной экономической науки и за отношение к историческому исследованию как к единственно правомерному подходу в сфере экономической науки, понимаемой как наука о коллективных экономических явлениях[89].

Оценивая Рошера, Менгер также критиковал непонимание им задач теоретического исследования[90] и упрекал за смешивание задач теоретической экономики и задач истории и экономической статистики[91]. Серьезное непонимание природы исторической науки привело Рошера к «иллюзии, что, изучая историю вообще и историю экономики в частности, можно понять общий характер и общие взаимосвязи явлений человеческого хозяйства *вообще*»[92]. Эти ошибки усугублялись тем, что Рошер считал, будто объективные истины, относящиеся к политике, можно извлечь из исторического знания, полученного сравнительным методом[93], а также присущим ему представлением об экономике как об «учении о законах развития народного хозяйства, хозяй-

---

[89] Там же. С. 448–450.

[90] Там же. С. 302.

[91] Там же. С. 307.

[92] Там же. С. 377.

[93] Там же. С. 444.

ственной народной жизни»[94].

По отношению к идеям Шмоллера Менгер ограничился тем, что указал на банальность мнения о том, что хорошо и правильно не отделять понимание экономических явлений от всей совокупности социальных и политических явлений (если оставить в стороне его борьбу против «догмы своекорыстия человека»)[95].

По мнению Менгера, «категории Шмоллера» не дают более глубокого понимания этих проблем, а лишь усложняют дело[96].

Критика Менгером представителей исторической школы немецких экономистов в «Исследованиях» продемонстрировала, что их попытка расширить горизонты экономической науки была основана на ряде серьезных ошибок. В отличие от «Оснований», замечания Менгера в «Исследованиях» не лишены сарказма. Однако полностью его полемический талант проявил себя в памфлете «Ошибки историзма»,

---

[94] Там же. С. 458.

[95] Там же. С. 347. О полемике со Шмоллером, а также о работах Мизеса (Mises, 1929, pp. 54–90; Mises 1969; Мизес Л. фон. Эпистемологические проблемы экономической науки. Челябинск: Социум, 2009) см.: Pfister, 1928, pp. 6—13; Ritzel, 1950; Hansen, 1968, pp. 137–173; Bostoph, 1978, pp. 3—16; Häuser, 1988, pp. 532–542; Milford, 1988a и 1990, pp. 215–239; Alter, 1990a. Недавно «спор о методах» был реконструирован с позиции исторической школы немецких экономистов, в особенности Шмоллера: Gioia, 1990.

[96] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 339 сн.

где Шмоллеру отводилась уже не второстепенная, а главная роль.

Если не считать полемической формы, «Ошибки историзма» содержат мало концептуально нового. То новое, что есть в этой работе, имеет иной характер. Во-первых, это выбор Шмоллера в качестве главной мишени для критики. Менгер понимал, что успех его собственных идей в немецкой культуре зависит от итога его спора с тем, кто стал наиболее авторитетным и влиятельным представителем катедер-социалистов. К сожалению, эта стратегия неизбежно влекла за собой ряд нежелательных последствий. Менгер осознавал разницу между Шмоллером и основателями исторической школы немецких экономистов. И в самом деле, главным предметом спора (не считая вопросов методологии) была возможность рассмотрения истории как «эмпирической базы практических экономических наук»[97]; этот вопрос был лишь слегка затронут в «Исследованиях». Другое новшество состояло в расширении значения понятия «историзм», который в «Исследованиях» использовался для обозначения взглядов Георга Гервинуса, на всю историческую школу.

Таким образом, Менгер был намерен доказать невозможность создания «новой экономической науки» на базе теории исторической школы немецких экономистов. Кроме того, уже в «Исследованиях» он заявил, что отрицание подразделения экономики на исторические, теоретические и прак-

---

[97] См.: Menger, 1884, p. 44.

тические науки привело бы к «строго социалистической организации общества, т. е. к такому типу организации, когда единственной формой хозяйства было бы общественное хозяйство, а не частные индивидуальные хозяйства». Существовало бы лишь «народное хозяйство в собственном смысле слова [*Volkswirthschaft*]», «хозяйствующим субъектом его был бы народ [*Volk*] (или его представители)», и его целью было бы «возможно более полное удовлетворение потребностей всех членов общества». Соответственно экономическая наука свелась бы к «единственной практической экономической науке», иначе говоря, к науке «об основаниях, по которым общественное хозяйство [*Gemeinwirthschaft*]… может быть устроено и ведено наиболее целесообразно. То, что в наше время весьма неточно называют «социалистическими *теориями*», суть стремления к этой *практической* науке, и этим выясняется сущность и положение их в системе наук о хозяйстве»[98].

Менгер сосредоточил свою критику на действенности и эффективности практических норм деятельности, извлекаемых из исторического знания. Проблемам, на которые он обратил внимание, тем не менее было суждено остаться на задворках дискуссии среди представителей гуманитарных наук той эпохи, которая характеризовалась ростом позитивиз-

---

[98] См.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 470.

ма, исторического материализма и «возвращением к Канту». Вдохновляясь Кантом, такие мыслители, как Дильтей, Виндельбанд и Риккерт создали классификацию наук, их целей и методов, обладавшую лишь поверхностным сходством с классификацией Менгера[99]. Они говорили о «типах», «номотетическом знании», «идиографическом знании», «историческом», «теоретическом», «индивидуальном» и «универсальном» направлениях научного знания, об индуктивном знании и о ценности исторического знания. Однако и их посылки, и их заключения существенно отличались от взглядов Менгера.

Задача Менгера была более масштабна, чем у упомянутых мыслителей. Если последние стремились найти оправдание существованию двух типов научного исследования и в конечном счете соглашались с позитивистской моделью, то задача Менгера состояла в том, чтобы установить соотношение между теоретическими, историческими и практически-

---

[99] Применительно к Дильтею достаточно подумать о фундаменте, на котором основано различение *Geisteswissenschaften* (наук о духе, т. е. гуманитарных наук) и *Naturwissenschaften* (естественных наук), или о его представлении о психологии и ее воздействии на процесс «понимания» (*Verstehen*). Риккерт (Rickert, 1899, p. 7) привлек внимание к «Исследованиям» Менгера в кратком историческом обзоре, посвященном актуальным методологическим проблемам, обсуждавшимся в *Kulturwissenschaften* (гуманитарных науках); однако он не смог по достоинству оценить значение «Исследований», ограничившись замечанием о том, что этот труд «принадлежит к типу изолированных исследований, актуальных для той или иной конкретной области». В связи с этим Хайек (Hayek, 1968b, p. 125) ошибался, полагая, что предложенная Менгером классификация наук оказала влияние на Риккерта и Вебера.

ми науками в рамках *единой концепции знания*. Однако он решил ее таким образом, что его решение не привлекло никакого внимания современных ему философов, так как они были равнодушны к проблематике и теоретическим моделям экономической науки.

В связи со всем этим поразительно то, что идеи Менгера были подхвачены уже Вебером в статье «Рошер и Книс и логические проблемы исторической политэкономии» («Roscher und Knies und die logischen Probleme der historischen Nationalökonomie»), которой он надеялся поставить точку в споре о методах; правда, Вебер понял их неправильно, и в его работе трудно узнать взгляды Менгера[100]. Бесспорно, Вебер находился под влиянием Менгера; однако остается впечатление, что Вебер толкует «абстрактную

---

[100] См.: Weber, 1903–1906, pp. 3—4n.; Weber, 1904, pp. 187—90; Weber, 1906, pp. 227n.; Weber, 1918, pp. 534–538; Weber, 1908, p. 395. Это различие, которое было очевидно и Мизесу, и Хайеку, позже отрицали, опираясь именно на *Verstehen*, некоторые из американских последователей Мизеса, на которых повлияла герменевтика Гадамера, а также интерпретация Вебера Лахманном (Lachmann, 1970).Критический анализ методологии Вебера с «австрийской» точки зрения см. прежде всего в Mises, 1933 (Мизес Л. фон. Эпистемологические проблемы экономической науки. Челябинск: Социум, 2009), где можно найти краткое сравнение на pp. 71ff.; Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, Социум, 2005. С. 32 сн., 119; Mises, 1978, pp. 122–123. В каталоге библиотеки Менгера упоминания о работах Вебера отсутствуют.Об отношениях Менгера и Вебера (малоизученный вопрос) см.: Kauder, 1959, p. 60; Tenbruck, 1959, pp. 573–630; Lachmann, 1970, pp. 24, 55ff.; Nishiyama, 1979, pp. 34–35; Bryant, 1985, pp. 57—108; Ashcraft, 1987, pp. 289–324; Hennis, 1987, pp. 38, 51; Osterhammel, 1987, pp. 110–112; Schön, 1987, pp. 60–62; но прежде всего Hennis, 1991, pp. 27–59, Burgalassi, 1992, pp. 71—102.

экономическую науку» в неокантианском духе, чего и следует ожидать в свете его философской позиции. В своих работах Вебер заменил выражение «теория субъективной ценности» (*Theorie des subjectiven Wertes*) «субъективным учением о ценности» (*subjektive Wertlehre*), тем самым приписав «субъективность» (относительность) не *ценности*, а *теории* (т. е. идеально-типическим схемам, посредством которых возможно познать реальность явлений). Это словоупотребление показывает, какое расстояние отделяет Вебера от австрийцев: для него (как и для других представителей исторической школы немецких экономистов) в это выражение вложено все то, что было сказано во множестве работ, посвященных историчности теории предельной полезности и экономических организаций[101]. Это совершенно противоположно тому, что подчеркивали австрийцы, когда исследовали «точные законы» и неожиданные результаты человеческих действий.

От «Исследований» может возникнуть впечатление, что Менгер был равнодушен к эпистемологическим проблемам современной ему экономической науки, хотя из этого и не следует делать вывод о том, что он плохо понимал эту проблематику[102]. Можно сослаться, в частности, на то, что Мен-

---

[101] См.: Weber, 1918, pp. 534–537.

[102] См.: Menger, 1926—55, а также уже упомянутые работы Каудера. Перечень авторов и источников, на которые ссылается Менгер в «Исследованиях» (см.: Cubeddu, 1985), показывает, что в тексте нет упоминаний Кантильона, Рикардо, Мальтуса, Юма, Канта, Гегеля, Фихте, Госсена, Маркса, Вальраса и Джевонса

гер не стал сравнивать взгляды Вальраса и Джевонса со своей собственной позицией, несмотря на то что хорошо осознавал существенные различия между их экономической эпистемологией и своей собственной[103]. Последующие годы, од-

---

(однако в библиотеке Менгера были книги всех этих авторов, за исключением Канта и Гегеля). Само по себе отсутствие упоминаний о них не слишком существенно, однако это дает нам общее представление о том, кто был близок Менгеру. Это может также способствовать прояснению проблемы, которую Джонстон (Johnston, 1972, p. 80) называет проблемой «источников формирования взглядов Менгера». В «Исследованиях» отсутствуют ссылки на следующих трех авторов (хотя это не обязательно означает того, что они не оказывали на Менгера никакого влияния в более позднее время): Ф. Брентано, И.-Ф. Гербарта, Р. Циммермана (в библиотеке Менгера не было их книг, за исключением одной работы Циммермана).

[103] О взаимоотношениях Менгера с двумя другими столпами «маржиналистской революции» см.: Jaffé, 1965, 1, письмо 566, pp. 768–769, II, письмо 602, pp. 2–6, (письма Менгера к Вальрасу); I, письмо 569, pp. 771–773, II, письмо 769, pp. 179–180, письмо 794, p. 206 (письма Вальраса к Менгеру). Об отношениях Менгера с Вальрасом см.: Antonelli, 1953; Kauder, 1957, pp. 412ff.; 1959, pp. 62–63; 1961, pp. 69–70; 1962, pp. 15–16. Вальрас и Джевонс не просто не упоминаются в тексте «Исследований», как пишет Каудер (Kauder, 1961, pp. 69–70), «имена Джевонса и Вальраса, которые открыли теорию предельной полезности одновременно с Менгером, отсутствуют в тексте рукописи» второго издания «Оснований»; о различиях между первым и вторым изданием «Оснований» см.: Weiss, 1924. Каудер, вероятно, не обратил внимания на то, что во «Введение» ко второму изданию «Оснований», написанное сыном Менгера Карлом (1923, pp. vii – viii), включен отрывок из подготовленного Менгером-старшим, но не включенного в окончательный текст предисловия, где он упоминает Джевонса и Вальраса.О различиях между австрийской школой и «лозаннской школой» см.: Morgenstern, 1931, pp. 6—42. О разнице в позициях Менгера, Вальраса и Джевонса см.: Stigler, 1937, p. 230; Kauder, 1953b, pp. 571–572, 1965, pp. 66–80; Lachmann, 1966, pp. 161–162; Streissler, 1972, pp. 438–440; Jaffé, 1976, pp. 511–524; White, 1977, p. 4; Gram and Walsh, 1978, pp. 46–56; Vaughn, 1978, p. 61;

нако, показали, насколько различными – и несовместимыми – оказались пути развития соответствующих концепций социальной философии[104].

Все это не означает, что Менгер избегал обсуждения современной ему эпистемологической проблематики[105]. Однако его интересовало не изучение влияния экономистов, занимавшихся методологическими проблемами, а, во-первых, борьба против колоссальной популярности (не только в Германии) необоснованной попытки создать «новую экономическую науку», политические последствия которой он был в состоянии предвидеть, и, во-вторых (и прежде всего), пересмотр всей теоретической структуры социальных наук в свете значения, которое теория предельной полезности могла иметь для конфигурации этих наук в целом. Если такова была его главная задача, то не имеет особого значения то, ссылался ли он или нет на конкретных авторов.

Мы уже упоминали о том, что следы экономического спора о методах отсутствуют в работах других мыслителей, которые интересовались в это время проблемой метода в социальных науках[106]. Если просматривать литературу, посвя-

---

Shand, 1984, pp. 32–41, 43–49; Alter, 1990a, pp. 151ff.

[104] Об этом см.: Vannucci, 1990, pp. 141–177.

[105] См.: Milford, 1988a.

[106] Ведь авторы, пишущие об историзме, редко упоминают о Менгере; например, о нем не упоминается в: Rothacker, 1920, несмотря на то что этот текст посвящен историзму и «историческим школам». Первое описание «спора о методах» см.: Philippovich, 1886, pp. 27ff., 50n., 52—53n., 54n; см. рецензию Менгера

щенную методологии гуманитарных наук и историзму (разумеется, с учетом естественной разницы в том, что касается ее воздействия на область экономической теории), мы практически не находим упоминаний Менгера. Однако даже в сфере экономической эпистемологии до недавнего времени исторические исследования были в основном сосредоточены на моменте рождения «маржиналистской революции» и не уделяли внимания значению теории субъективной ценности для социальных наук[107].

Это все, что осталось от спора о методах в истории философии социальных наук, однако с точки зрения Мизеса и Хайека этот вопрос предстает совершенно по-иному. Они сразу восприняли спор о методах как столкновение двух раз-

---

на него: Menger, 1887, pp. 212–215.

[107] Действительно, даже ссылки на Менгера в Keynes, 1891, pp. 5, 21n., 124n., 266, 324n., создают впечатление, что Кейнс неверно понял Менгера. Естественно, Кейнс хорошо осознавал значение идей Менгера, но он вряд ли был в состоянии оценить всю значимость методологии Менгера в своей книге, оказавшей глубокое влияние на развитие исследований экономической методологии. В книге М. Блауга «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют» (М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004) Кейнсу уделено большое внимание, австрийской методологии (см. с. 147–149) – значительно меньшее, а «Исследования» вообще не упоминаются. То же самое относится к Boland, 1982, где, однако, можно найти интересные замечания о связях австрийской школы, в особенности Хайека, с Поппером (см. с. 169ff.). То же самое можно сказать о Collini *et al.,* 1983, где тоже есть глава о политэкономии и об историческом методе с упоминанием Рошера и Шмоллера. Для понимания значения методологии Менгера сохраняют актуальность (по разным причинам) Ingram, 1888, pp. 233ff.; Schumpeter, 1914 и 1951; Eucken, 1938, pp. 63–86, Eucken, 1940, pp. 37–51; Hutchison, 1953.

личных концепций роли индивида в мире, и их интерес к работам исторической школы немецких экономистов был связан с тем, что она заложила теоретический фундамент тоталитаризма. Однако следует отметить некоторые различия. Нужно отделять позицию Менгера от взглядов Мизеса и Хайека, хотя бы для соблюдения хронологического порядка. Однако и применительно к Менгеру тоже важно не забывать, что он видел опасность, которая вытекает из приписывания экономической науке этических целей. Менгер также осознавал, что отказ в экономической сфере от политического признания индивидуальных актов выбора приводит к политико-экономической организации социалистического типа, в которой субъектом выбора становится не индивид, а надындивидуальная общность – государство, подчиняющая индивидуальные акты выбора собственным целям.

В свою очередь в провозглашении принципа историчности знания и экономической организации[108] в соединении с отрицанием теоретической науки о человеческой деятельности и экономической науки, основанной на вечных и универсальных законах, Мизес распознал корни критики, направленной против рыночной экономики. Кроме того, он показал несостоятельность претензий социалистической экономической, социальной и политической организации на осу-

---

[108] См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 191.

ществимость[109].

Историческая школа немецких экономистов отнюдь не случайно трансформировалась в движение, выступавшее за своего рода «государственный социализм», которое характеризовалось исключительной враждебностью по отношению к экономическому либерализму. Тем не менее, несмотря на серьезную вину исторической школы перед немецкой историей, Мизес и Хайек рассматривали ее всего лишь как немецкую версию более общего феномена – смешения социальной философии с этатизмом и коллективизмом. Слова Мизеса позволяют представить себе, как они понимали суть и значение спора о методах: «…в дискуссиях школы Джона Бейтса Кларка с американским институционализмом на карту было поставлено значительно больше, чем вопрос о том, какой подход плодотворнее. На самом деле предметом разногласий были эпистемологические основания науки о человеческой деятельности и ее логическая законность»[110].

Поединок с исторической школой немецких экономистов продолжался до 1933 г. Затем эти темы стали восприниматься как культурное наследие, едва ли заслуживающее дальнейшего теоретического анализа. Чтобы объяснить это, вероятно, достаточно сказать, что Мизес и Хайек перестали считать необходимым дальнейшее обсуждение вопроса, ко-

---

[109] См.: Mises, 1952, p. 2.

[110] См.: Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 8.

торый они считали закрытым по причине доказанности эпистемологической непоследовательности исторической школы.

В дальнейшем Мизес и Хайек уделили большое внимание изучению воздействия методологической позиции историзма на подход к экономическим и политическим проблемам. Они пытались показать, какое воздействие историзм исторической школы немецких экономистов оказал на коллективистские и тоталитарные доктрины. Тем самым они восстановили связь между историзмом/историцизмом и возникновением тоталитарной ментальности.

§ 3. Критика историцизма

В австрийской традиции словом *historicism* обычно переводится на английский язык немецкий термин *Historismus* в значении, в котором его употреблял Менгер в «Исследованиях» и в «Ошибках историзма»; этот термин обозначает веру в то, что посредством изучения исторических событий можно обнаружить их смысл и сформулировать законы, которым они подчиняются[111].

---

[111] Однако термин «историцизм», который употребляли и Хайек, и Поппер, причем Поппер использовал также термин «историзм», относится также к марксистским и гегельянским концепциям истории. Например, немецкий перевод известной работы Поппера (Popper 1957) звучит как *Das Elend des Historizismus* (1965), и в ней термином *Historismus* (с. 14) переводится английский термин *Historism* (с. 17) (см. русск. изд.: Поппер К. Нищета историцизма. М.: Издательская группа «Прогресс» – VIA, 1993). Альберт (Albert, 1988, p. 576) пишет: «Историзм (*historism*) представляет собой продукт философии истории, которая вдохновляется теорией и вынуждена отказаться от натуралистического подхода к социальной реальности в силу своего происхождения от идеи истории как откровения Господа»; к этому он делает примечание: «Я использую этот термин в качестве перевода немецкого „Historismus“, поскольку Поппер сформулировал свою концепцию „историцизма“ (*Historicism*) таким образом, что его значение не совпадает со значением термина „историзм“ (*Historismus*)». Однако в 1973 г. Альберт использовал именно термин «историзм» для описания первого «спора о методах» в: Albert, 1973, pp. 132–135; см. также Albert, 1957, p. 133; 1963, p. 364; 1977, pp. 59ff. Критику Альбертом «методологического историзма» можно найти в: Albert, 1987, pp. 120–143.Критический анализ гегельянского и марксистского историцизма см.: Hayek, 195la; Popper, 1945 и 1957. О соотношении попперовской концепции «историцизма» и позиции австрийской школы по этому вопросу см.: Nadeau, 1986, pp. 127ff.; Cubeddu, 1987b; Clontz, 1988, p. 51.

Критические возражения Мизеса и Хайека против историцизма (а также критика ими *позитивизма* и *сциентизма*) тесно связаны с идеями «Исследований». Ко времени появления их работ теоретические и исторические контуры понятия историцизма не претерпели изменений и оно, хоть и было обогащено новой проблематикой, по-прежнему соответствовало историзму Менгера. Не изменилась и критическая установка австрийцев по отношению к применению эмпирически-индуктивного метода в теоретических социальных науках.

В силу этого анализ критики историзма/историцизма (*Historismus/historicism*) и конструктивистского сциентизма позволяет, пусть и косвенным образом, пролить свет на то, каким образом вслед за открытием следствий из теории субъективной ценности произошли глубокие изменения в концептуальной и методологической структуре теоретических социальных наук.

В качестве первого приближения можно указать на общую цель критики, воплощенную в историцизме, который понимался как спекуляция на историческом процессе. Однако внутри одной и той же традиции существовали – как правомерно, но тщетно отмечал Хайек – и абсолютистские концепции (истолкование исторического развития как некоего целого, подчиняющегося единственной первопричине и движущегося к единственной цели, которая может быть трансцендентной или имманентной), и индивидуалистиче-

ские концепции, которые стремились осознать, насколько разнообразен (и иногда непостижим) может быть вклад отдельной личности во всеобщую историю[112].

Может показаться, что такая ситуация требует термина, который мог бы более точно соответствовать историзму в обеих значениях. Однако такого термина до сих пор не возникло и маловероятно, что он появится в будущем. Отчасти это связано с двойственностью происхождения историзма, тесно связанного не только с исторической школой немецких экономистов, стремившихся исследовать исторические события, чтобы обнаружить их скрытый смысл и всеобщие законы становления[113], но и с исторической школой права, идеи которой были созвучны и Менгеру, и Хайеку. В этом свете может иметь некоторое основание помещение Савиньи в контекст традиции эволюционизма, которую Хайек воспринял от Мандевиля и Юма, поскольку взгляды Савиньи резко отличались от гегельянской историко-философской и юридическо-политической традиции[114].

---

[112] Об этом см.: Tessitore, 1987.

[113] Здесь мы имеем дело с двумя разными системами философии. Сам Менгер не устанавливал связи между позитивистско-компаративистской концепцией истории Рошера, Книса и Гильдебранда и концепцией истории у Гегеля.

[114] Об этом аспекте вопросов, поставленных Савиньи, см.: Marini, 1977, 1982a, 1982b, Хайек позитивно отзывается о Савиньи в: Hayek, 1960, pp. 148, 452n. (Хайек Ф. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2009); Hayek, 1967, pp. 103n., 104n.; Hayek, 1978, p. 265n.; Хайек Ф. фон. Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 40, 93, 508 сн. 44, 549 сн. 34, 549; Хайек Ф. фон. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М.: Новости, 1989. С. 64, 122.

Всех австрийцев объединяет то, что они воспринимают историю как переплетение, зачастую случайное, способов, которыми отдельные люди пытаются достичь своих личных субъективных целей, с (желаемыми или нет) результатами этой деятельности. Такой взгляд исключает возможность восприятия истории как движения по направлению к чему-то, что будет осуществлено с помощью более или менее осознанной деятельности человека, и как некоего процесса, чей смысл можно раскрыть с помощью откровения или философских спекуляций. В то же время он исключает возможность воспринимать историю как цветение разума, который лежит за пределами земных забот и, преодолевая невежество и индивидуальные предрассудки, трудолюбиво направляет свои усилия на построение некоторой конфигурации человеческих отношений, соответствующей его велениям. Представители австрийской школы отвергли эти две дополняющие друг друга попытки проникнуть в смысл жизни, вернув этому понятию его подлинный характер – трансцендентный по отношению к человеческому познанию. Как они отмечали, естественные пределы человеческого познания настолько разнообразны, что любая попытка истолковать историю, исходя из сознательной человеческой деятельности или намерений человеческого разума, означала бы признание того, что возможно познание смысла всего этого процесса. Это значило бы, что у этого процесса есть какой-то иной смысл, кроме того бесконечного множества смыслов, которыми от-

дельные люди стремятся наполнить свое существование[115].

Иначе говоря, это было бы эквивалентно утверждению о наличии первопричины и ее познаваемости. Однако и это не решило бы проблемы. Если бы первопричина была полностью известна всему человечеству, то не было бы ни истории, ни философии. В то же время если бы она не была полностью известна всему человечеству, то проблема ее познаваемости в итоге смешалась бы с загадкой того, каким образом различные, противоречащие друг другу интерпретации, соединяясь, формируют исторический процесс. Тем не менее это знание не исключало бы возможности индивидуального или коллективного поведения, противоречащего тому, которое было предписано теоретически: такую возможность могла бы исключить лишь успешная тоталитарная организация. Этот аргумент лег в основание критической позиции Хайека и Мизеса (а также Поппера), которые считали тоталитаризм результатом историцизма.

Невозможность основать экономическую науку на сборе и классификации данных об исторических аспектах человеческой деятельности не означает, что история как дисциплина бесполезна для экономической науки и политической философии. В связи с этим можно процитировать замечание Менгера по адресу Шмоллера в «Ошибках историзма», в котором говорится об отношениях между экономической, ис-

---

[115] Вероятно, наиболее глубокий критический анализ этой традиции можно найти в: Strauss, 1953, pp. 295–323 (в связи с концепцией истории у Бёрка).

торической и этической наукой: «На самом деле совершенно очевидно, что даже самое полное знание жизни народов мира нельзя счесть достаточным основанием для принятия надлежащих экономических мер; иными словами, оно не гарантирует, что действия будут действительно соразмерны намеченным целям. Экономическая сторона жизни народов постоянно ставит новые задачи тем, кто стоит на страже их интересов… задачи эти нельзя исполнить, обратившись к изучению прошлого, их можно решить, исключительно основываясь на знании, которое не ограничивается историческими и статистическими фактами, а учитывает требования современной жизни государства»[116].

На этом основании Менгер, не подвергая сомнению значение истории и статистики для понимания явлений жизни людей, бросил вызов мнению, согласно которому нормы практической деятельности можно извлечь из изучения истории и ее предполагаемых законов. Если предметом истории и статистики являются исторические проявления человеческой жизни, то их не следует путать ни с теорией, которая «занимается формами и законами этих проявлений», ни с «практическими социальными науками», которые, в свою очередь, должны заниматься «принципами политической и социальной деятельности, приспособленной к какой-то кон-

[116] Menger, 1884, pp. 44–45. О критике Менгером историзма и о соотношении историзма и исторической школы права см.: Alter, 1990a, pp. 42ff.

кретной цели»[117]. Таким образом, его атака была направлена против главного тезиса философии истории исторической школы немецких экономистов: против представления о возможности извлечь практические правила поведения из сравнительного изучения истории и сформулированных на этом основании «законов».

С точки зрения Менгера, истоки этой школы связаны не с Гегелем, Фихте или Фридрихом Листом, а с той конкретной группой историков и экономистов, работавших в Тюбингене и Гёттингене в конце XVIII в., которые пытались построить политическую науку, опираясь на «философию» истории, часто смешивая между собой две научных дисциплины и два соответствующих им типа знания[118]. В отличие от основателей исторической школы права, которые были консерваторами, эти предшественники исторической школы немецких экономистов относились к либеральному направлению («хотя и не к… абстрактно-либеральному») и намеревались использовать свои «превосходные и основательные знания

---

[117] Menger, 1884, pp. 17–18.

[118] Эти ученые: Л.-Т. фон Шпитлер, Г. Луден, К.-Г.-Л. Политц, Г.-Б. фон Вебер, К.-Г. фон Вэхтер, Ф.-К. Дальман, Гервинус – проявили восприимчивость к усилиям Л.-Г. фон Якоба, Листа, Г.-Ф. Краузе, Э. Баумштарка, Рау и Ф. Шмитт-геннера по созданию экономической науки, основанной на опыте и истории; см.: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 437–438.

политической истории в политической науке»[119].

Мы видим, что историческая школа немецких экономистов возникла в результате смешения *истории* и *политической* науки, а также *исторического* и *теоретического знания*[120]; итогом этого стали ошибочные представления о природе и целях социальных наук. Соответственно, объектом критики Менгера было представление о том, что сравнение явлений (т. е. эмпирических фактов), политических систем и экономических систем позволяет получить общее видение этих явлений[121]. В основном его критика была направлена против попытки перенести метод анатомии и физиологии в сферу гуманитарных наук, подходя к ним как к «естественным организмам»[122].

С политической точки зрения та концепция общества и политэкономии, которой придерживалась историческая школа немецких экономистов, приводила к типу политической организации, при которой – как мы уже видели – индивидуальный выбор подчинялся коллективно-

---

[119] Там же. С. 434–437.

[120] Там же. С. 315–317.

[121] Мишенью был Рошер. Как мы уже видели, возражение, выдвинутое Менгером против его теорий по поводу истории (там же, с. 377), состояло в том, что «лишь тот, кто совершенно не понимает природы исторических наук, может вообразить себе, будто путем изучения истории вообще и истории народного хозяйства в частности можно уразуметь общую (родовую) сущность и общую (родовую) связь явлений человеческого хозяйства *вообще*».

[122] Там же. С. 396–409.

му. Однако Менгер предпочел не созерцать «редкое зрелище *исторической* школы экономистов с социалистическими склонностями», т. е. не стал концентрироваться на политическом аспекте, а обратил внимание на внутренне присущую этой школе ошибку: на восприятие «народного хозяйства [*Volkswirthschaft*]… как отдельной единицы, отличающейся от человеческого хозяйства [*menschliche Wirthschaft*]». Он также сосредоточился на том, что «стремление свести [*Zurückführung*] явления народного хозяйства [*Volkswirthschaft*] к единичным явлениям человеческого хозяйства [*menschliche Wirthschaft*] характеризовалось как „*атомизм*“». Закладывая основы того, что позже стало характерной особенностью критики коллективистской экономики австрийской школой, Менгер писал, что «феномены «народного хозяйства» [*Volkswirthschaft*] отнюдь не суть непосредственные жизненные проявления данного народа [*Volk*] как такового, непосредственные результаты «хозяйствующего народа» [*wirthschaftendes Volk*], но *равнодействующая* (*Resultans*) всех бесчисленных единично-хозяйственных стремлений в народе, а потому мы и не можем теоретически уразуметь их с точки зрения указанной фикции»[123].

Итак, фундаментальная ошибка историзма возникла в результате восприятия исторической реальности и социальных институтов как органических единиц натуралистического типа, подчиняющихся законам, которые можно об-

[123] Там же. С. 352–356.

наружить методами, характерными для естественно-научно-сравнительного знания, а также на базе представления о том, что из этих законов можно извлечь относящееся к социальным явлениям знание теоретического и практического характера[124]. Такое представление о людях и их жизни было связано с органицистским политическим мировоззрением, которое рассматривает отдельного человека как представителя рода. В политическом и экономическом отношении это приводит к критике индивидуалистических оснований классической политэкономии (которые Менгер, напротив, защищает). Это также приводит к «общинному» представлению

---

[124] Там же. С. 373, 377, 385–386, 443, 447, 449. На с. 434–440 Менгер отделял «историческую школу права» Бёрка и Савиньи от упомянутой группы мыслителей (см. прим. 103 на с. 437–438), которых он рассматривал как основателей «исторической школы немецких экономистов», отмечая при этом, что фундаментальная концепция Бёрка и Савиньи, «учение об органическом, несознательном происхождении целого ряда человеческих явлений», осталась им «вполне чуждой». «Они противники абстрактного мышления (как и исторической философии!), но по большей части не противники литературы эпохи просвещения XVII и XVIII в. и либерализма в политике; противники априорной конструкции в государственных науках и в истории, но не противники одностороннего прагматизма в понимании общественных явлений» (см. с. 436). Но они все-таки не впадали в «односторонний эмпирицизм» и даже в «односторонний историзм [*einseitiger Historismus*]»; «однако одностороннего историзма во всяком случае не имеется в суждениях названных авторов». Сдвиг к «одностороннему историзму» произошел только в первые тридцать лет XIX столетия. Это случилось благодаря Гервинусу, «который имел сильное влияние на молодые умы Гёттингенской исторической школы ученых и, благодаря странному стечению обстоятельств, такое же влияние на понимание методологических проблем немецкими экономистами» (см. с. 440). О влиянии историцизма Гервинуса на Рошера см. с. 442.

об экономической деятельности, в структуре которой политические и этические аспекты господствуют над индивидуалистическими.

Как и Менгер, Мизес тоже был склонен отождествлять историзм с исторической школой немецких экономистов и катедер-социалистами. Кроме того, он также был склонен рассматривать его как конструкт социальных наук, основанных на вере в то, что единственным методом, подходящим для изучения человеческой жизни, является «исторический». Однако Мизес отделял тех сторонников историзма, кто отрицал возможность существования теоретической науки о человеческой деятельности, от тех, кто не исключал такой возможности, а лишь откладывал ее до того момента, когда станут доступны плоды более широкого исторического исследования[125].

С этой точки зрения спор о методах представляет собой в первую очередь поединок между сторонниками исторической социальной науки и приверженцами теоретической социальной науки. Значение этого далеко выходит за пределы дискуссии Менгера с представителями исторической школы немецких экономистов.

Мизес сочувствовал попыткам Виндельбанда, Риккерта и Вебера создать теоретическое основание исторического зна-

---

[125] Mises, 1933, p. 104 (Мизес Л. фон. Эпистемологические проблемы экономической науки. Челябинск: Социум, 2009). В цитатах из этой книги термин «историзм» (*Historismus*) мы всегда будем переводить как «историцизм».

ния и подчеркнуть его специфику. Однако он также считал, что в их позиции проявилась неспособность «представить себе возможность существования общезначимого знания в сфере человеческой деятельности». Несмотря на то что они выступали против мнения, будто бы единственные истинные науки – это науки, основанные на модели ньютоновской механики, Мизес не мог разделять их претензии на то, что «область социальных наук включает исключительно историю и исторический метод». С точки зрения Мизеса, суть проблемы была связана с влиянием субъективистской экономической теории на теорию человеческой деятельности. Поскольку даже Виндельбанд и Риккерт не учитывали этого влияния, то они оценивали открытия субъективистской экономической теории «в том же духе, что и историческая школа. Таким образом, они остались связанными с историзмом (что не исключает эмпиризма)». Они не поняли, что если ограничить сферу науки о человеческой деятельности историей и ее методом, то это неизбежно ведет к отрицанию возможности построения теоретической системы социальных наук. Следовательно, и этим ученым казалось, что представление об исторических событиях как о нередуцируемых единицах представляет собой «единственный приемлемый метод в области социальных наук»[126].

Теоретические предпосылки критики Мизеса в отношении историцизма ясно видны и по тому, как он рассматри-

[126] Ibid., pp. 4–7.

вает методологию Вебера и различие между социологией и историей[127]

[127] Ibid., p. vii. Их разделял вопрос о природе «идеальных типов», которые Мизес считал «концептуальными инструментами исторического, но не теоретического исследования».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.